

Самолеторубго еств
рошница Вѣнсаго
АМІЕРАТОРА. Вѣнона
находится в Сосора
Лазанскій и Нежовскій
Сосора
Самолеторубго еств
рошница Вѣнсаго
АМІЕРАТОРА. Вѣнона
находится в Сосора
Лазанскій и Нежовскій

АВ ІМПЕРІО

2

2016

Журнал выходит 4 раза в год.

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): office@abimperio.net

С. В. Глебов (США и Канада): ai_us@abimperio.net

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): marina@abimperio.net

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): semyonov@abimperio.net

Почтовый адрес редакции:

Dr. Ilya Gerasimov, *Ab Imperio*

918 Keystone Ave, River Forest, IL 60305 USA

Электронная страница журнала <http://abimperio.net>

© *Ab Imperio* и авторы статей и иных опубликованных материалов, 2016.

Материалы журнала рецензируются в **Scopus**, **Historical Abstracts** и **American Bibliography of Slavic and East European Studies**.

Ab Imperio включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и имеет индекс INT1 в European Reference Index for the Humanities (ERIH).

Номер издан при финансовой поддержке

фондов Института открытого общества

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

ISSN: 2166-4072 (print)

ISSN: 2164-9731 (online)

ISBN: 978-5-89423-110-5

The journal is published four times a year.

Ab Imperio is an affiliated journal

of the **Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies**

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): office@abimperio.net

Dr. Serguei Glebov (USA and Canada): ai_us@abimperio.net

Dr. Alexander Kaplunovski (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): marina@abimperio.net

Dr. Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): semyonov@abimperio.net

Postal address:

Dr. Ilya Gerasimov, *Ab Imperio*

918 Keystone Ave,

River Forest, IL 60305 USA

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://abimperio.net>

Each contribution copyright © 2016 *Ab Imperio* and its author. All rights reserved.

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in **Historical Abstracts**, **Scopus**, and **American Bibliography of Slavic and East European Studies**.

Ab Imperio is rated INT1 in the European Reference Index for the Humanities (ERIH) and included into the **Russian Science Citation Index**.

AI is also available online through **Project MUSE** and

Historical Abstracts with Full Text.

Production of this issue is supported in part

by a grant from the **Open Society Foundations**

For subscription, please contact editors or our authorized distributors:

Kubon&Sagner, EBSCO, East View Publications, and www.amazon.com.

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ	Ilya V. GERASIMOV
Сергей В. ГЛЕБОВ	Serguei V. GLEBOV
Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ	Alexander P. KAPLUNOVSKI
Марина Б. МОГИЛЬНЕР	Marina B. MOGILNER
Александр М. СЕМЕНОВ	Alexander M. SEMYONOV

Литправка и корректура	Style Editing and Proofreading
Мария НОВАК	Maria NOVAK
Тереза М. МАЛХАМИ	Therese M. MALHAME

2/2016

www.abimperio.net

Идея Аллы Зейде
The initial idea of Alla Zeide

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD

- Jörg BABEROWSKI** (Humboldt University, Germany)
Seymour BECKER (Rutgers University, USA)
Rogers BRUBAKER (UCLA, USA)
Jane BURBANK (New York University, USA)
Mark von HAGEN (University of Arizona, USA)
Geoffrey HOSKING (University of London, UK)
Miroslav HROCH (Charles University, Czech Republic)
Ярослав ГРИЦАК (Інститут історичних досліджень Львівського національного університету імені Івана Франка, Україна)
Peter GATRELL (University of Manchester, UK)
Искандер ГИЛЯЗОВ (Казанский государственный университет, Россия)
Andreas KAPPELER (University of Vienna, Austria)
Maria KOVACS (CEU, Hungary)
Jan KUSBER (Mainz University, Germany)
Dieter LANGEWIESCHE (Tübingen University, Germany)
Kimitaka MATSUZATO (Hokkaido University, Japan)
Alfred RIEBER (CEU, Hungary)
William ROSENBERG (University of Michigan, USA)
Darius STALIŪNAS (Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania)
Yuri SLEZKINE (University of California at Berkeley, USA)
Ronald SUNY (University of Michigan, USA)
Richard WORTMAN (Columbia University, USA)
Serhy YEKELCHYK (University of Victoria, Canada)

тема года 2016 annual theme:

**ИМПЕРСКАЯ СИТУАЦИЯ:
СУБЪЕКТНОСТЬ И СВОБОДА ДЕЙСТВИЯ В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**SITUATING IN EMPIRE:
AGENCIES AND SUBJECTIVITIES IN IMPERIAL SPACES**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

**Experiencing the Imperial Situation:
Understanding Diversity**

**Проживая имперскую ситуацию:
восприятие разнообразия**

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ	I. METHODOLOGY AND THEORY	8
From the Editors <i>Experiencing the Imperial Situation without Empire</i>		9
От редакции <i>Проживая имперскую ситуацию вне империи</i>		18

FORUM AI

CARNAL POLITICS AND KNOWLEDGE IN THE IMPERIAL SITUATION

ПОЛИТИКА И НАУКА ТЕЛА В ИМПЕРСКОЙ СИТУАЦИИ

Ирина Ролдугина *Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759)* 29

Irina Roldugina *The Discovery of Sexuality: Social Transgression in Mid-Eighteenth-Century St. Petersburg Based on the Materials of the Kalinkin Commission*

Andy Byford *Imperial Normativities and Sciences of the Child: The Politics of Development in the USSR, 1920s–1930s* 71

Энди Байфорд *Имперская нормативность и наука о детях: политика развития в СССР, 1920-е – 1930-е гг.*

Katrin Steffen *Ludwik Hirszfeld, the Great War, and Seroanthropology: Expectations and Unfulfilled Promises* 125

Катрин Штеффен *Людвиг Гиришфельд, первая мировая война и сероантропология: ожидания и обманутые надежды*

Olga Linkiewicz *Applied Modern Science and the Self-Politicization of Racial Anthropology in Interwar Poland* 113

Ольга Линкевич *Современная прикладная наука и самополитизация расовой антропологии в межвоенной Польше*

Ирина Ролдугина *“Почему мы такие люди?” Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России* 183

Irina Roldugina *“Why Are We Such People?” Early Soviet Homosexuals Speaking in the First Person: New Sources on the History of Homosexual Identities in Russia*

Письма советских гомосексуалов второй половины 1920-х гг. 217
Letters of Soviet Homosexuals from the Second Half of the 1920s

СОЦИОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, IV. SOCIOLOGY, ANTHROPOLOGY, 260
ПОЛИТОЛОГИЯ POLITICAL SCIENCE

Екатерина Болтунова *Рецепция имперского / царского пространства власти в России 1990-х – 2010-х гг.* 261

Ekaterina Boltunova *Reception of Imperial and Tsarist Spheres of Authority in Russia, 1990s–2010s*

ABC: ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРИИ V. ABC: EMPIRE & NATIONALISM 310
И НАЦИОНАЛИЗМА STUDIES

PROJECT AI

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРС

“НОВАЯ ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”

HISTORY COURSE “A NEW IMPERIAL HISTORY OF NORTHERN EURASIA”

Глава 10. XX век: империя в эпоху массового общества

Chapter 10. *The Twentieth Century: Empire in the Era of Mass Society*

Часть 2. Самоорганизация “прогрессивистской империи”

311

Part 2. *Self-organization of a “Progressive Empire”*

НОВЕЙШИЕ МИФОЛОГИИ

VI.

NEWEST MYTHOLOGIES 384

Lilia Boliachevets and Ivan Sablin *The Second or the Fourth World: Critique of Communism and Colonialism in Contemporary North Asian Literature*

385

Лилия Болячевец и Иван Саблин *Второй или четвертый мир: критика коммунизма и колониализма в современной литературе Северной Азии*

VII.

Историография

1.

Historiography 426

TARIK CYRIL AMAR, *THE PARADOX OF UKRAINIAN LVIV: A BORDERLAND CITY BETWEEN STALINISTS, NAZIS, AND NATIONALISTS* (ITHACA, NY: CORNELL UNIVERSITY PRESS, 2015). 368 pp., ILLS. BIBLIOGRAPHY. INDEX. ISBN: 978-0-8014-5391-5

Irina Sklokina *The Paradox of Ukrainian Lviv and Soviet Lviv*

427

Ирина Склокина *Парадокс украинского и советского Львова*

Andriy Zayarnyuk *Paradox Illusions*

436

Андрій Заярнюк *Ілюзія парадокса*

РЕЦЕНЗИИ

2.

BOOK REVIEWS 453

Paul W. Werth, *The Tsar’s Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* (Oxford University Press, 2014). xvi + 288 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-0-19-959177-0.

Lucien J. Frary

453

- И. А. Гилязов, Л. Р. Гатауллина. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). Казань: Татарское книжное издательство, 2014. 303 с., илл. ISBN: 978-5-298-02788-5.
Диляра Усманова 458
- Mark Bassin, Sergey Glebov, and Marlene Laruelle (Eds.). *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015). 267 pp. Index. ISBN: 978-0-8229-6366-0.
Ian W. Campbell 463
- Катрин Гусефф. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / Пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с., илл. Именной указатель. ISBN: 978-5-4448-0176-5.
Людмила Климович 469
- Han F. Vermeulen, *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment* (Lincoln: University of Nebraska Press, 2015). 746 pp., ills. Index. ISBN: 978-0-8032-5542-5.
Rachel D. Koroloff 473
- Nikolay Zakharov, *Race and Racism in Russia* (Houndsmills and New York: Palgrave Macmillan, 2015). 233 pp. Index. ISBN: 978-1-137-48119-1.
Ольга Гулина 481
- Vladimir Gel'man, *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015). 224 pp. Index. ISBN: 978-0-8229-6368-4.
Vera Skvirskaja 488
- David R. Marples, Frederick V. Mills (Eds.), *Ukraine's Euromaidan. Analyses of Civil Revolution* (Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015). 292 pp. Index. ISBN: 978-3-8382-0660-8.
Дмитрий Шевчук 493

Samuel A. Greene, *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia* (Stanford: Stanford University Press, 2014). 276 pp.,
ills. Index. ISBN: 978-0-8047-9214-1.

Андрей Семенов 500

Lars Elenius (Ed.). *The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe* (Oslo: Pax, 2015). 518 pp., ills. ISBN:
978-82-530-3651-9.

Денис Докучаев 507

List of Contributors 515

Список авторов 517

Екатерина БОЛТУНОВА

**РЕЦЕПЦИЯ ИМПЕРСКОГО /
ЦАРСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ
В РОССИИ 1990-х – 2010-х гг.***

5 мая 1999 г., всего за несколько месяцев до своей отставки, первый президент России Б. Ельцин произнес фразу, которая сразу же стала крылатой: “Не так сели!”¹ Недовольство Ельцина вызвало то, что С. Степашина, только что назначенного на должность вице-премьера, разместили далеко от премьера Е. Примакова. При всей комичности ситуации (пересаживание членов правительства случилось, к тому же, во время заседания столь необычного консультативного органа, как правительственный оргкомитет по встрече третьего тысячелетия) – сама фраза стала знаковой для конца 1990-х гг., с характерным для этого периода “пересаживанием” все новых и новых людей в кресло премьера и примериванием на каждого из них образа преемника у власти.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект №15-01-0132) в рамках Программы “Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)” в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Автор выражает признательность анонимным рецензентам за их комментарии и рекомендации.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=WF1NSc94uQQ> (здесь и далее: последнее посещение интернет-ресурсов 08.07.2016).

Ельцинское “Не так сели!” запомнилось еще и потому, что декларативный смысл этой фразы был очевиден. Президент, по правую руку от которого во время заседания сидел патриарх, а по левую – премьер Примаков, не просто посадил нового вице-премьера поближе к себе, но указал на высокий статус Степашина, который уже через неделю после этого, 12 мая, занял премьерское кресло.

Жест, который сделал Ельцин, был простым и универсальным с точки зрения культурно-исторических позиций. Он использовал пространство, в данном случае Екатерининский зал Сенатского дворца в Кремле, и оперировал категориями “правое / левое”, “ближе / дальше” совершенно в духе придворного церемониала. Базовая семантика тронных залов и социально-политический статус участников представительских акций всегда задавались именно при помощи таких дуальных оппозиций. Польские послы в Грановитой палате Московского Кремля в 1678 г. или персидские в Георгиевском зале Зимнего дворца в 1829 г. могли легко “прочитать” пространство тронного зала и определить положение человека по тому, насколько близко он находился к трону. Случай с Ельциным – прекрасная иллюстрация к известному историографическому тезису о том, что церемониал – не просто форма театрализации, а способ легитимации и позиционирования власти.²

Этот случай – еще и пример действий власти в пространстве.³ Такая – прямолинейная и, по сути своей, базовая – форма взаимодействия не единственна. Другие практики использования пространства для реализации целей власти, однако, не столь очевидны и вызывают целый ряд вопросов. Например, что происходит, если власть выходит за пределы универсалий и осознает себя в пространстве, в котором возможностей для символического позиционирования заведомо больше? Как именно власть выбирает / принимает / создает собственную пространственную рамку? И что происходит, если пространство такого рода оказывается, как это часто бывает, в зоне истории, участвует в формировании

---

² Р. Уортман. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1-2. Москва, 2004.

³ К настоящему моменту в литературе сложилось представление о том, что пространство, вовлеченное в реализацию дискурса власти, представляет собой не столько поле, на котором градостроительные и архитектурные решения принимаются с учетом интенций власти, сколько осмысленную топографию власти, цели которой повторяют задачи придворной ритуализации в интерпретации Р. Уортмана (См., например: Р. Краутхаймер. Три христианские столицы: топография и политика. Москва и Санкт-Петербург, 2000).

коллективной идентичности, является местом памяти,⁴ как, например, упомянутый Екатерининский зал Кремлевского Сенатского дворца, построенный еще в конце XVIII в.? Ведь в этом случае мемориальная функция теряет свое абсолютное значение, а само место памяти, становясь частью актуального политического дискурса, начинает оказывать влияние на существующую идеологию.

Поиск ответов на эти вопросы выводит нас на проблематику, которая равным образом затрагивает изучение актуальной политической символики и культурно-исторической памяти. Предлагаемая статья – попытка рассмотреть создание в России в 1990-е – 2010-е гг. пространства власти в связи с конструированием памяти о Российской империи, за которой, в свою очередь, стояла память о еще более раннем периоде истории страны – эпохе Московского царства. Речь идет об анализе практик использования властной топографии, возникшей в период Российской империи, а также изучении заимствований в 1990-е – 2010-е гг. властных дискурсивных практик, реализованных в государственно-представительском пространстве, унаследованном от империи.

В такой постановке проблемы есть и сознательное авторское ограничение. Очевидно, что историческая символика не является единственным источником для создания современного российского политического воображения. В разное время в этой роли выступали (и продолжают выступать, часто во взаимодействии друг с другом) советский концепт власти, а также современный американский политический символизм. Первый аспект изучен в литературе достаточно хорошо, хотя и в значительной степени однопланово, о чем речь пойдет ниже; второй, напротив, еще не актуализирован, хотя, очень интересен и заслуживает отдельной работы. Оба они, хотя и будут затронуты в статье, не являются здесь предметом самостоятельного изучения.

Предлагаемая тема – рецепция имперского / царского пространства власти в России 1990-х – 2010-х гг., – даже за вычетом аспекта идеологического использования, изучена мало. При том, что такое направление, как история памяти (включая изучение мест памяти), развивается в России активно, российское историческое сознание формирует академическую повестку дня особым образом. Этот сегмент

⁴ М. Хальбвакс. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8-27; П. Нора. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. де Винок. Франция-память. Санкт-Петербург, 1999. С. 17-50.

исследований испытывает значительное влияние давно укоренившейся в историографии практики изучения истории России исключительно в рамках хронологических этапов, а именно Московского царства, Российской империи, СССР и постсоветской России. Именно поэтому на первый план выходят темы о восприятии как Московским царством, так и Российской империей собственного историко-культурного поля. При этом установки такого рода существуют безотносительно к дисциплинарной привязке: их разделяют историки, филологи и даже, в значительной степени, культурологи.

Некоторую альтернативу представляют исследования, интерпретирующие процессы создания структур памяти на стыке “соседних” этапов. Здесь актуальными могут стать темы, связанные, например, с осмыслением восприятия образов Минина и Пожарского в России послепетровского периода или интерпретацией истории Киевской Руси в XIX в.⁵ Однако самым активно растущим направлением является изучение постсоветской рецепции советского. Здесь есть уже многочисленные попытки обобщения, категоризации и сопоставления,⁶ при этом историко-культурная рефлексия развивается параллельно с социологическим анализом современной ситуации.⁷ Максимальное внимание, начиная с самых первых работ этого историографического направления (часто даже не осознававших себя таковыми⁸) и вплоть

---

⁵ См., например: Л. Киселева. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX века // Лотмановский сборник. № 3. Москва, 2004. С. 69-93; А. Е. Петров. Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления московского самодержавия (Рубеж XV–XVI вв.): К вопросу о моменте трансформации восприятия “места памяти” // Исторические записки. Вып. 7 (125). Москва, 2004. С. 35-56; Куликово поле и ратные поля Европы: Материалы международного конгресса. Тула, 2002.

⁶ Ш. Требст. “Какой такой ковер”? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 41-77; А. Лангеноль. Общественная память после смены строя: Сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 365-390; А. Эткинд. Кривое горе: Память о непогребенных. Москва, 2016.

⁷ С. Ушакин. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 760-792; И. Калинин. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*. 2010. № 6 (74). С. 6-16; Л. Гудков, Б. Дубин, Н. Зоркая. Постсоветский человек и гражданское общество. Москва, 2008.

⁸ Е. С. Сениянская. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. Москва, 1999.

до настоящего момента, уделяется мемориализации войны и террора.⁹ Академический интерес сосредоточен главным образом на попытках воссоздания тех или иных советских ментальных, социальных или политических структур и, в целом, на влиянии современного обращения к советскому прошлому в связи с формированием новых общественных установок (в том числе, складыванием нового российского патриотизма). При этом процесс отторжения / разрушения / перекодировки советского (в том числе советской политической архитектуры, например, 14 корпуса Кремля), в поле зрения исследователей не попадает.

Значительно реже актуализируется проблематика изучения коллективной памяти на “длинной” хронологии с пересечением границ нескольких исторических этапов, как в случае с работой Б. Шенка об изучении образа Александра Невского в русской культурной памяти или исследованиями общественных оценок Первой мировой войны в СССР и постсоветской России.¹⁰ Сейчас в историографии существуют лишь единичные работы, посвященные анализу форм памяти, которые связывают исторические периоды, хронологически друг с другом не соприкасающиеся. В этом случае интерпретация часто проводится в рамках изучения интеллектуальной истории,¹¹ что вполне объяснимо, поскольку столкновение / взаимодействие дискурсивных полей оказывается таким образом локализовано в рамках академического сообщества или в среде интеллигенции.

---

⁹ Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. Москва, 2005; Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004; Л. Гудков. “Память” о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. С. 50-52; Б. Дубин. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. Москва, 2011; А. Эткинд. Кривое горе; Н. Копосов. Память строго режима: История и политика в России. Москва, 2011.

¹⁰ Ф. Б. Шенк. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). Москва, 2007; Д. Орловски. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium) / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. Санкт-Петербург, 1999. С. 49-57; Я. А. Голубинов. Великая война и европейские мемориальные практики в XX в. // Человек и общество в условиях воин и революций. Вып. 1. Самара, 2014. С. 192-197; Karen Petrone. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis, 2011.

¹¹ См., например, работу А. Маркова “Советское богомыслие”, посвященную советскому восприятию и изучению русской иконописи (Неприкосновенный запас. 2014. № 1 (93). С. 24-40).

Дискурс империи

В начале 1990-х гг. на уровне репрезентации власти разрыв с советским дискурсом был обозначен исключительно резко. Он выражался в стремлении избавиться от советской образности, но, кроме того, еще и обратиться назад, обретя некогда утраченное. Поразительным образом стремление к демократизации уживалось в общественно-политическом дискурсе с декларацией возвращения к “золотому веку”, которым для части общества стала имперская Россия. Призывы восстановить утраченную имперскую (и даже царскую) культурную традицию, очевидно, не воспринимались первоначально как некое противоречие или угроза основным устремлениям страны. Вместе с тем этот элемент постсоветского конструкта памяти с самого начала имел потенциал серьезного развития: обретя независимость, то есть перестав быть просто версией антисоветского, он мог изменить всю структуры памяти, предложив вариант, более усложненный по отношению к моделям дуального порядка.¹²

В отношении пространства власти это выражалось в возросшем числе проектов, направленных на реставрацию измененного и восстановление некогда разрушенного. Московский Кремль, уже к концу 1930-х гг. воспринимавшийся как символическое ядро, вокруг которого выстраивалась топография советской власти,¹³ стал местом приложения основных сил. Помимо неизбежного закрытия музея “Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле”, располагавшегося в Сенатском дворце (1994), и демонтажа памятника Ленину в Тайницком саду (1995) в середине 1990-х гг.¹⁴ Кремль обрел многие утраченные в советский период объекты. Здесь были восстановлены Красное крыльцо Грановитой палаты (1994), а также Андреевский и Александровский залы

---

¹² Нельзя не согласиться с К. Платом, который полагает, что обращение к истории во второй половине 2000-х гг. и появление нового общественного состояния, которое он называет “пост-постсоветским”, выросло из “игр реформистской элиты 1990-х гг.” с историческими нарративами (Kevin M. F. Platt. *The Post-Soviet is Over: on Reading the Ruins // Republics of Letters. A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts.* 2009. No. 1. P. 7).

¹³ Katerina Clark. *Socialist Realism and the Sacralizing of Space // Evgeny Dobrenko, Eric Naiman (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space.* Seattle, 2003. Pp. 11-12; Я. Плампер. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. Москва, 2010. С. 136-179.

¹⁴ Музей и памятник были перенесены в Ленинские Горки, переместившись, таким образом, из центра на периферию пространства власти.

Большого Кремлевского дворца (1994–1998). При этом в Андреевском зале было воссоздано тронное место российских императоров.

В Петербурге схожие процессы вначале даже опережали московские. Актуализировать семантическое поле имперского, опираясь на существующий контекст, здесь было даже проще: город трех революций был еще – и об этом никогда не забывали – бывшей столицей Российской империи. Уже в 1991 г. в результате референдума Ленинград был переименован в Санкт-Петербург. За этим последовало активное воссоздание / выстраивание памяти об императорском периоде жизни северной столицы и региона, в том числе через апелляцию к истории династии Романовых и – особенно – образу первого российского императора и основателя города Петра Великого. В 1992 г. в городе открылся музей “Зимний дворец Петра I”. Изучение и частичная реставрация Зимнего дворца Петра I велась еще с конца 1970-х – начала 1980-х гг.,¹⁵ однако решение о создании музея было принято именно на волне перемен начала 1990-х гг. Здесь сыграли свою роль интенции как государственного, так и локального уровня. Государственный Эрмитаж, в ведении которого с самого основания находился музей, пребывал в это время в поиске новых возможностей позиционирования своей истории не только как музея, но и как императорского дворца.

В целом, в пространстве северной столицы, а зачастую в раннем постсоветском пространстве вообще, образ императора Петра I оказался способен заменить образ В. Ленина и заполнить собой лауну, возникшую после падения прежнего вождя и кумира. С точки зрения дискурса соответствующей эпохи Ленин и Петр I, сотворившие новое властное поле, находились в центре мифа о творении, представлялись демиургами, создавшими порядок из хаоса. Поэтому в 1990-е гг. значение приобрела не столько соотнесенность исторических фигур, сколько тотальность общественных оценок, культовость восприятия каждого из них.

В ряде случаев памятник Петру I в буквальном смысле заменил памятник В. Ленину. Именно так произошло с ленинским монументом в здании Московского вокзала в Санкт-Петербурге, на месте которого в 1993 г. появился бюст императора, или с памятником вождю у “Адмиралтейских верфей”, где на советском постаменте была установлена скульптурная композиция в честь одного из детищ Петра – военноморского флота (1996 г.). Число подобных акций, напоминающих

¹⁵ Г. В. Михайлов. Зимние дворцы Петра I. История строительства. Архитектурное и художественное убранство. События и люди. Санкт-Петербург, 2002. С. 7-16.

действия большевиков, которые в 1920-е гг. активно устанавливали новые памятники на постаментах царских монументов,¹⁶ впрочем, не было значительным.

В 1990-е гг. возникло и множество проектов по восстановлению государственно-представительских помещений в романовских императорских дворцах. В центре внимания оказались тронные залы российских императоров. Композиции тронных мест были воссозданы в двух главных тронных залах Российской империи – в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве и Георгиевском (Большом) тронном зале Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

Схожие инициативы появлялись и на региональном уровне. Однако если применительно к главным представительским помещениям российских столиц решение принималось на самом высоком уровне, то в других случаях вопрос решался в администрациях музеев, учебных заведений или госструктур, занимавших помещения дворцов. Позиции, реализованные в пространстве, были самыми разными, но они, тем не менее, маркировали существующие тренды. Достаточно охотно в 1990-е – начале 2000-х гг. восстанавливали тронные залы, за которыми стояли истории, связанные с главными фигурами русской исторической памяти первого столетия империи – Петром I и Екатериной II. Так, администрация расположенного в Чесменском дворце Екатерины II Государственного университета аэрокосмического приборостроения приняла решение отреставрировать тронный зал резиденции. Интерьеры дворца были оформлены портретами Рюриковичей, Романовых, а также представителей европейских королевских домов.¹⁷ После реставрации трон здесь так и не появился, но на представительский уровень помещения сейчас указывает большой портрет Екатерины Великой, ставший центром композиции. В достроенном и открытом для публики несколько позже в конце 2000-х гг. Московском Большом Царицынском дворце функция главного помещения была отведена залу со схожей символической концепцией – Екатерининскому. Здесь на фоне условного тронного места была установлена статуя императрицы работы А. Опекушина.¹⁸

---

¹⁶ Toby Clark. *Art and Propaganda in the Twentieth Century*. New York, 1997. P. 79; Охрана культурного наследия России XVII – XX вв. / Сост. Л. В. Карпова, Н. А. Потапова, Т. П. Сухман. Москва, 2000. Т. 1. С. 388.

¹⁷ Н. И. Баторевич. Чесменский дворец. Санкт-Петербург, 1997. С. 52.

¹⁸ Об образе Екатерины II в “новом” Царицыно см. подробнее: Б. Степанов. О старом и новом: музей царицы на руинах романтической легенды // Царицыно. Атрикцион с историей / Отв. ред. Н. В. Самутина, Б. Е. Степанов. Москва, 2014. С. 54-85.

Значительно меньший интерес вызывали троны других императоров. Например, в Большом Кремлевском дворце не был реконструирован трон Екатерининского зала – трон российских императриц в Москве с середины XIX в.¹⁹ В Павловском дворце тронное место, появившееся при Павле I в самом большом зале резиденции, также восстановлено не было. Это представительское помещение было решено демонстрировать публике как столовую.²⁰ В Гатчинском дворце, где при императоре Павле I были созданы сразу четыре тронных зала,²¹ трон был восстановлен лишь в одном из них, расположенном на втором этаже. Остальные – Нижний тронный, а также представительские помещения для императрицы и наследника – не воссоздавались. Михайловский замок в Петербурге после реставрации, проводившейся вплоть до 2003 г., также не получил ни одного восстановленного трона. Здесь бывшие представительские залы использовались для самых разных экспозиций, иногда лишь с опосредованными указаниями на прежние функции зала. Так, в тронной императрицы Марии Федоровны было решено устроить портретную галерею представителей династии Романовых.²²

Установка на активное воссоздание имперского политического символизма не означала абсолютного совпадения частных позиций. Говоря о разнообразии трактовок, можно вспомнить случай с церковью Рождества св. Иоанна Предтечи (Чесменской), которая располагается рядом с упомянутым выше Чесменским дворцом. Появившиеся в конце XVIII в. дворец и церковь составляли единый комплекс, призванный увековечить победы русского флота в Чесменской бухте. Считать – и до определенной степени принимать – подобного рода концепты позднесоветское умело: с конца 1970-х гг. в Чесменской церкви существовал музей “Чесменская победа”. В середине 1990-х гг. церковь была передана Санкт-Петербургской епархии, а музей закрыт. Казалось бы, внешне администрация города, уничтожавшая музей русской воинской славы, и администрация университета, стремившаяся восстановить тронный зал дворца, действовали в разных направлениях. Однако по сути это были лишь колебания внутри системы общественных представлений

¹⁹ Н. А. Вьюева, А. И. Романенко. Дворцы и сады. Москва, 2003. С. 14-16.

²⁰ Павловск. Полный каталог коллекций. Т. 1. Дворец. Вып. 2. Интерьеры. Парадные залы / Сост. Н. М. Третьякова. Санкт-Петербург, 2008. С. 198.

²¹ В. К. Макаров, А. Н. Петров. Гатчина. Санкт-Петербург, 2005. С. 84.

²² Е. Я. Кальницкая. К истории вопроса о музейной коллекции Михайловского замка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. Я. Герцена. 2008. № 78. С. 108.

и оценок, в рамках которых такие категории, как война / победа, вера и императорская власть были вполне равнозначны.

Информационное поле, создававшееся вокруг реконструкций 1990-х годов, активно эксплуатировало концепцию преодоления исторического разрыва между имперским прошлым и современностью. В это время из поля зрения совершенно исчез процесс восстановления представительских помещений, начавшийся в советский послевоенный период.²³ А ведь в Петровском (Малом тронном) зале Зимнего дворца (Государственного Эрмитажа) трон был воссоздан сразу по окончании войны, еще в 1946 г., то есть в то время, когда большая часть страны лежала в руинах. Всего через полгода, к 1 мая 1948 г., было отреставрировано главное петербургское представительское помещение Российской империи – Георгиевский тронный зал.²⁴ Послевоенная историческая реставрация Летнего дворца Петра I в Ленинграде также позволила установить тронное место в одном из залов. В 1969 г. императорский трон появился и в Большом Петергофском дворце. Советское открытие империи, объяснение которого лежит как в сфере актуальной политики того времени, так и в смене категорий исторической памяти,²⁵ не вписывалось в постсоветское восприятие этого периода, а потому переместилось в зону умолчания. Постсоветское повторно апроприировало дореволюционный дискурс власти. Причем методика присвоения могла быть исключительно демонстративной, а разница между имперским и царским дискурсом зачастую не артикулировалась.

Показательны в этом отношении заседания Конституционной комиссии, занимавшейся доработкой проекта Конституции России, проходившие в Грановитой палате – главном тронном зале Московских царей. Это старейшее светское помещение Московского Кремля (конец XV в.) использовалось как в период Московского царства, так и в период Российской империи для проведения наиболее значимых церемоний (Земские соборы, приемы послов, коронационные обеды, празднования военных побед). В позднесоветский период зал был одним из поме-

---

²³ Е. М. Болтунова. Державность по-советски: Имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 89-103.

²⁴ И. Орбели. Георгиевский зал Зимнего дворца. Ленинград, 1948. С. 6-7.

²⁵ Это явление подтверждает концепцию “культурной памяти” Я. Ассмана как продукта работы институтов памяти, возникающих через одно-два поколения после события и создающих миф о последнем (Я. Ассман. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва, 2004. С. 50-69).

щений Верховного Совета СССР. В постсоветское время Грановитая палата стала представительским залом Президента Российской Федерации. Судя по сохранившимся фотографиям 1992 г., во время Пленарных заседаний председательствующий в Конституционной комиссии Р. Хасбулатов занимал в зале место, повторявшее расположение в этом помещении трона царей и императоров. Он сидел за отдельным столом в юго-восточной части зала у стены, роспись которой изображала трех первых русских князей – Рюрика, Игоря и Святослава.

Трудно предположить, что Р. Хасбулатов, занимавший на тот момент должность председателя Верховного совета Российской Федерации и отнюдь не лишенный политических амбиций, оказался в этой точке Грановитой палаты случайно. Ведь размещение царского / императорского места в зале было угловым, а, значит, неочевидным для современного человека, воспринимающего эту зону пространства как периферийную. Выбор, скорее всего, носил осмысленный характер: Хасбулатову указали на это – значимое – место. Однако речь не шла, конечно, об актуализации в полной мере царских / имперских семантических коннотаций, связанных с функцией Грановитой палаты как главного тронного зала Московского царства. Русское средневековое восприятие восточной стороны, аллюзия “царь – Солнце” или идея династической преемственности не имели равным счетом никого значения. В случае с Хасбулатовым задача была много проще: маркировать центральное место и, возможно, индивидуализированную политическую позицию, своего рода “протосценарий власти”, в терминологии Ричарда Уортмана. Делалось это при помощи средств, доступных в указанном пространстве.

Вместе с тем, случаи такого рода свидетельствовали: представители власти 1990-х гг. видели себя – пусть лишь технически – преемниками наследия власти, которая исчезла после 1917 г. Можно даже предположить, что на выбор Грановитой палаты для проведения сессий Конституционной комиссии оказал влияние тот факт, что именно в этом зале заседала известная Уложенная комиссия Екатерины II, занимавшаяся во второй половине XVIII в. совершенно тем же – созданием нового Уложения законов. Интересно, что ни до, ни после этого – то есть ни в позднесоветский период, ни, позднее, в 2000-е – 2010-е гг. – такие агрессивно-прямолинейные апелляции к царскому / имперскому дискурсу в пространстве Грановитой палаты не предпринимались.

Итогом 1990-х гг. стало появление разных, конкурирующих друг с другом вариантов памяти. Наравне с конструированием памяти о со-

ветском – процессом, который сейчас активно изучается, началось интенсивное формирование постсоветской памяти о Российской империи. При этом количество инициированных властью акций в этом отношении сочеталось с прямолинейностью, почти механистичностью восприятия всего происходящего: воссоздание / восстановление утраченного воспринималось как буквальный возврат к традиции, разрыв в 70 лет объявлялся небывшим, влияние имперской традиции на советское отрицалось. Противоречия, заложенные внутри такой модели, какое-то время не были очевидными. Однако уже следующее десятилетие показало: атрибутика власти, отсылавшая к досоветской традиции, и увеличение числа квазиимперских форм – в том числе и пространственных – не представляли собой переход в иное культурное поле.

* * *

К началу 2000-х гг. имперское пространство власти – по крайней мере, в своих главных символически значимых объектах – было (вос)создано. Теперь в нем предстояло жить. Но именно в этом, как оказалось, и заключалась главная сложность: на поверку оно оказалось совершенно чужим.

Постсоветская власть, вынужденная действовать в интерьере императорских дворцов, ощущала двойственность ситуации. Во-первых, в практическом отношении преемственность современных функций по отношению к историческому назначению того или иного зала оказывалась не всегда возможной. В случае с Андреевским залом Большого Кремлевского дворца установка не преемственность сработала, и с 2000-х гг. тронный зал трех последних императоров стал местом президентской инаугурации.²⁶ Указание на легитимность власти оказалось актуальным безотносительно к историческому периоду. Но непонятно, как следовало использовать исторические данные о том, что в XIX в. при высочайших выходах в Александровском зале того же дворца собирались дамы, а в Георгиевском – городские чины или представители московского дворянства.²⁷ Открытым оказывался и вопрос о месте президента России в зале, в котором находился трон российских императоров.

---

²⁶ К настоящему моменту таких церемоний здесь было четыре (В. Путин: 2000 г., 2004 г., 2012 г.; Д. Медведев: 2008 г.). Примечательно, что президентские инаугурации в России всегда проходят 7 мая, то есть за два дня до годовщины Победы 9 мая.

²⁷ С. П. Баргенов. Большой Кремлевский дворец. Дворцовые церкви и Придворные соборы. Москва, 1916. С. 40, 44.

Во-вторых, воссозданные залы становились отсылкой к некогда существовавшему историко-культурному оригиналу, традиции и, шире, дискурсивному полю ушедшей эпохи. Но в 2000-е гг. указание на преемственность империи становилось все более проблематичным с учетом растущей востребованности апелляций к совершенно иному – советскому – наследию. На фоне “открытия” и последующей эстетизации советского позиционирование связи исключительно с имперской традицией – что предопределялось самим пространством представительских залов – воспринималось как нечто искусственное, демонстрирующее смысловой разрыв между выбранной символической моделью власти и ее действительным содержанием. Ощущалось отсутствие подлинного континуума: наследие прадедов перешло в руки современников каким-то странным образом, минуя дедов и отцов, что ставило под сомнение и сами права наследства.

Наблюдая действия власти 2000-х гг., нельзя не заметить растерянность перед необходимостью пребывать в рамке, которую задавали представительские залы. Свидетельством описанных выше процессов стало изменение в 2000-х – середине 2010-х гг. самого принципа использования государственно-представительских помещений Московского Кремля, в частности, расположенных на его территории Большого Кремлевского дворца и Грановитой палаты. Информационным ресурсом для анализа такого рода является официальный портал президента РФ – Kremlin.ru. Сайт работает с 2000 г., предоставляя информацию – как текстуальную, так и визуальную – о полутора десятилетиях функционирования российской власти, в том числе, и в связи и использованием комплекса зданий Московского Кремля. Портал аккумулирует данные о деятельности В. Путина в течение трех президентских сроков (2000–2008, 2012 – настоящее время), а также Д. Медведева, находившегося во главе страны в 2008–2012 гг.

Однако, чтобы понять язык пространства, который использует современная российская власть, необходимо небольшое историческое отступление.

В своих главных позициях имперское пространство Московского Кремля окончательно оформилось в середине XIX в., в правление Николая I. Император не был первым, перед кем стояла задача сочетать имперское и царское: императорские дворцы строились в Кремле и в предыдущем столетии.²⁸ Однако именно эпоха раннего историзма, за-

²⁸ О. С. Евангулова. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. Москва, 1969. С. 44-46, 112-115; С. П. Бартенев. Большой Кремлевский дворец. С. 16-19.

явившая о себе как об образном стиле и шире – образе мысли, смогла предложить возможности, которыми Николай I сполна воспользовался. Основа московского пространства власти – Большой Кремлевский дворец (1849), был выстроен таким образом, что включал в себя целый ряд исторических – светских и религиозных – сооружений (Грановитая палата, Теремной дворец, церковь Спаса на Бору). Так прошлое, которое воплощало Московское царство, стало практически зримой частью настоящего императорской России.

Широко известно, что представительские помещения николаевского Большого Кремлевского дворца отражали орденскую систему Российской империи. Центральные залы были названы в честь орденов св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Георгия, св. Владимира и св. Екатерины; их оформление заимствовало атрибуты наград и часто апеллировало к семантике, связанной с ними (например, к цвету).²⁹ При этом с точки зрения движения залы были выстроены в единую цепочку. Войдя во дворец через историческое Красное крыльцо, император мог, повернув направо, оказаться в Грановитой палате – тронном зале Московских царей – или, двигаясь налево через Владимирский, Георгиевский и Александровский залы, пройти к трону Большого Кремлевского дворца, расположенному в Андреевском зале. Ядром системы представительских помещений, однако, стали лишь три зала – Георгиевский, Александровский и Андреевский. Владимирский зал, объединивший пространство, возникшее в период Московского царства (Грановитая палата и Теремной дворец) с дворцовым комплексом, построенным в XIX в. по проекту архитектора К. Тона, был проходным, а Екатерининский – тронная императриц – находился несколько в стороне от основной линии государственно-представительских помещений.

Из трех главных залов николаевского дворца в советские времена уцелел лишь Георгиевский. На месте двух других в 1933–1934 гг. по проекту архитектора И. Иванова-Шица был создан огромный зал заседаний Верховного совета, способный вместить до 2,5 тыс. человек. В торце – фактически на месте, где прежде был расположен императорский трон – появилась монументальная статуя В. Ленина. Как упоминалось выше, Андреевский и Александровский залы Большого Кремлевского дворца были восстановлены в 1994–1999 гг., при этом

²⁹ Е. Кириченко. О двух концепциях императорской резиденции: Зимний дворец в Петербурге после пожара 1837 г. и Большой Кремлевский дворец в Москве // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. Москва, 1997. С. 40-54.

в первом их них воссоздали тронное место. Именно эти залы можно видеть сейчас при прохождении избранного президента во время церемонии вступления в должность.

Анализ материалов президентского сайта показывает, что в 2000-е гг. только что воссозданные залы Большого Кремлевского дворца использовались крайне редко. Это, очевидно, было связано с непониманием или неприятием возможностей этого пространства. Предназначение каждого из залов необходимо было изобрести заново. В 2000-е гг. самым простым ходом оказывалось использование этих помещений для целей диппротокола или указание на их культурно-историческую значимость. Так, в Александровском зале в середине десятилетия начали проводить церемонии приема посольских верительных грамот. В Андреевском зале в это же время стали изредка проводить значимые культурные мероприятия. Интересно, что обе стратегии выстраивания функций повторяли стандартные советские позиции. Использование имперских / царских залов для приема дипломатов и глав государств в советское время практиковалось начиная, по крайней мере, с конца 1940-х гг.³⁰ Обобщенное же указание на культурную значимость позволяло вообще не определять позиции в связи с этим пространством.

На этом фоне самым востребованным помещением дворца в 2000-е годы оказался Георгиевский зал. Определенное значение сыграла его подлинность: в отличие от Александровского и Андреевского, он никогда не подвергался разрушению. Но главное, он был понятным. Так, открывая в Андреевском зале (казалось бы, главном зале анфилады) торжественные мероприятия в честь 200-летия Музеев Московского Кремля 7 марта 2006 г., В. Путин, не говоря собственно об Андреевском зале, счел возможным указать на то, что приглашенные находятся рядом с Георгиевским залом – залом воинской славы, где “сами стены дышат историей, напоминают о славе и великих деяниях наших соотечественников”.³¹

Георгиевский зал действительно посвящен военным победам империи. Он оформлен особым образом: на его стенах укреплены мрамор-

---

³⁰ Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). № 5401: Пребывание финляндской правительственной делегации в Москве (1946); № 17971: Вручение верительных грамот румынским послом (1952); № 113650: Тарасевич В. С. Делегация французских кинематографистов во время посещения Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца (1955); № 17873: Немецкие крестьяне в Кремле (1952).

³¹ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23474>.

ные доски с именами более 11.000 кавалеров ордена, награжденных с 1869 по 1885 гг., а также названиями полков и военных подразделений, получивших награду.³² Легко считываемый символический ряд и апелляция к дискурсу войны предопределили, казалось бы, назначение пространства. Однако даже в этом случае очевидные “ходы” нашлись не сразу. В начале 2000-е гг. зал использовался нечасто. В 2000 г. здесь провели всего два мероприятия – вручение госнаград и встречу с олимпийцами, в 2001 г. – юбилейный саммит глав государств СНГ, а в 2002 г., судя по сообщению сайта президента, зал вообще не был задействован.³³

Использование определила гигантская площадь зала, позволявшая вместить большое число участников мероприятий. Поэтому там проводили: вручение госнаград (2000) и госпремий (2004, 2006, 2007), встречи с высшими офицерами (2001), ветеранами Великой отечественной / Второй мировой войны (2001), олимпийской сборной (2000, 2004).³⁴ В 2003 г. супруга президента Людмила Путина дала в зале торжественный обед в честь участников фестиваля школьных библиотек “Библиообраз”, на котором присутствовали супруги президентов США, Армении и Болгарии.³⁵ Красота Георгиевского зала и аура подлинности этой красоты достаточно быстро и вполне предсказуемо позволила перевести его в категорию помещений, значимых для диппротокола. С начала 2000-х гг. посещение зала, завершающееся общим фото, стало частью протокольных мероприятий приезжавших с визитами в Россию глав государств.³⁶

Имперская же концепция Георгиевского зала как зала воинской славы в первой половине 2000-х гг. еще не была осмыслена в полной

---

³² Г. В. Вилинбахов. Награды России. Ордена. Санкт-Петербург, 2006. С. 36; О церемонии освящения дворца и открытия зала см.: М. А. Корф. Записки. Москва, 2003. С. 469-470.

³³ <http://kremlin.ru/events/president/news/38960>; <http://kremlin.ru/events/president/news/37680>; <http://kremlin.ru/events/president/news/26840>.

³⁴ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22314>; <http://kremlin.ru/events/president/news/40494>; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23020>; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22328>; <http://kremlin.ru/events/president/news/32072>; <http://kremlin.ru/events/president/news/41345>.

³⁵ <http://kremlin.ru/events/president/news/29460>.

³⁶ Эту часть Большого Кремлевского дворца посетили президент США Б. Клинтон (2000), король Швеции Густав (2001), королева Нидерландов Беатрикс (2001), генерал-губернатор Канады Андриенн Кларксон (2003), президент Сирии Башар Асад (2005), королева Таиланда Сирикит (2007), председатель КНР Ху Цзиньтао (2009, 2011), королева Дании Маргрете II (2011), председатель КНР Си Цзиньпин (2013).

мере. Военные, ветераны или даже олимпийцы, которые вполне могли продолжить этот ряд, если исходить из советского понимания спорта как зоны активного противостояния и борьбы, появлялись в его стенах наравне с общественными деятелями, дипломатами, первыми леди, библиотекарями и школьниками.

Во второй половине 2000-х гг. ситуация изменилась. Это совпало с началом президентства Д. Медведева. Нельзя отрицать роль личных предпочтений: в конце 2000-х залы Кремлевского дворца в целом использовались значительно активнее, чем прежде. В это время здесь даже начали проводить мероприятия гуманитарного и общественно-политического порядка. Андреевский зал был выбран для встречи президента с китайскими детьми-сиротами, пострадавшими от землетрясения в 2008 г., и японскими детьми-сиротами в 2011 г.³⁷ В Георгиевском в 2012 г. провели встречу с представителями угледобывающей и горнорудной промышленности.³⁸ Ни до, ни после президентства Д. Медведева такие встречи здесь не проводились. Очевидно, попытка пересмотреть функциональное назначение помещений в сторону более демократического использования не была поддержана администрацией следующего президента.

Именно в годы президентства Д. Медведева стала очевидна главная проблема Андреевского зала Большого Кремлевского дворца и помещений, схожих с ним по функциям. Как упоминалось выше, в 1990-е – начале 2000-х гг. во многих государственно-представительских помещениях обеих столиц были воссозданы тронные места (Георгиевский зал Зимнего дворца в Санкт-Петербурге). Даже в представительских залах резиденций, которые не имели отношения к имперскому наследию, появлялись отсылки к трону / тронному месту в виде балдахина с навесом, расположенного у торцевой стены (президентская резиденция в Горках, Московская обл.). Наличие трона в зале заведомо определяло символический центр пространства, и для президентской службы 2000-х гг. это, по всей видимости, стало настоящим вызовом. Никто не решался поместить президента, премьера или кого-либо из первых лиц государства непосредственно у тронного места. Вероятно, доминировало представление о том, что такой шаг будет воспринят как нечто сомнительное, нелепое или даже смешное. Какое бы мероприятие ни проводилось в некогда императорских трон-

³⁷ <http://kremlin.ru/events/president/news/976>; <http://kremlin.ru/misc/14093>.

³⁸ <http://kremlin.ru/events/president/news/16265>.

ных залах или их репликах, первые лица неизменно располагались в отдалении от главного символа империи. При этом само место для первых лиц обозначалось российскими флагами. Так, при открытии в Петербурге года Испании в России в 2011 г. у императорского трона Зимнего дворца были размещены журналисты, тогда как первые лица – испанский король Хуан Карлос и Д. Медведев – находились на противоположной стороне зала.³⁹ В других случаях у трона могли оказаться музыканты.⁴⁰

Даже выход президента для оглашения речи перед Федеральным Собранием во время президентства Д. Медведева был устроен таким образом, чтобы в объективы камеры не мог попасть трон Андреевского зала Кремлевского дворца. Во время мероприятия не использовали северный вход в Георгиевский зал, который открывал вид на анфиладу представительских помещений вплоть до восстановленного тронного места. Вместо этого был задействован южный вход со стороны Аванзала, что позволяло убрать малоактуальные коннотации.⁴¹

Схожие стратегии применялись и в правительственных резиденциях. Так, в зале заседаний резиденции в подмосковных Горках-9, судя по протокольным фотографиям, какое-то время после переезда сюда Д. Медведева не было никакого указания на трон. Президент располагался в зале совершенно обычным образом – на месте председательствующего в конце длинного стола.⁴² Но как только в 2011 г. на стене позади традиционного президентского места был размещен особый декоративный элемент, стилизованный под балдахин императорского трона, Д. Медведев переместился в центр стола, к одному из окон.⁴³

Со второй половины 2000-х гг. Георгиевский зал начинает использоваться не просто утилитарно или обобщенно-исторически, а в соответствии с символическими позициями, заданными при его создании в середине XIX в., и пребывание в нем все также не доставляет власти никаких затруднений. Он становится местом постоянного – несколько раз в год – проведения мероприятий с участием армейских чинов: здесь проходят встречи президента с высшими офицерами, получившими повышение в должности (2004–2008, 2010–2015) и выпускниками

³⁹ <http://kremlin.ru/events/president/news/10438>.

⁴⁰ <http://kremlin.ru/events/president/news/28741>; <http://lifeglobe.net/blogs/details?id=400>.

⁴¹ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979/videos>.

⁴² <http://kremlin.ru/events/president/news/9101/photos/6811>.

⁴³ <http://kremlin.ru/events/president/news/10402/photos/8252>; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/10106>; <http://kremlin.ru/events/president/news/14764>.

военных академий (2012).⁴⁴ Проводимые в этой части дворца теперь уже регулярные приемы также оказываются связанными с военно-историческими коннотациями. Прежде всего, это мероприятия в честь дня Народного единства (2005, 2006, 2008).⁴⁵ Новый праздник, призванный переключить внимание с 7 ноября – дня Октябрьской революции 1917 г. – и учрежденный в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 г., стал одним из поводов к узнаванию современной властью царского / имперского дискурса войны. За ним последовали приемы в честь ветеранов Великой Отечественной / Второй мировой войны (2009, 2012, 2013, 2015) и по случаю Дня Героев Отечества (2013, 2014).⁴⁶ Несколько позже в Георгиевском зале начали проводить мероприятия с участием офицеров ФСБ (2006, 2007, 2008, 2010), Службы внешней разведки (2009), МЧС (2010), ФСО (2011), а затем ФСИН (2011) и прокурорских работников (2015).⁴⁷ Судя по протокольным фотографиям, число участников таких акций зачастую не превышало два-три десятка человек,⁴⁸ а значит, прагматическое объяснение выбора помещения, связанное с тем, что Георгиевский зал мог вместить большое число участников, перестало иметь существенное значение. Скорее, речь шла о дискурсивных позициях: люди, призванные надзирать и наказывать, например, прокурорские работники или представители службы исполнения наказаний, в понимании современной власти оказались в зоне войны.

⁴⁴ <http://kremlin.ru/events/president/news/50527>; <http://kremlin.ru/events/president/news/49226>; <http://kremlin.ru/events/president/news/46904>; <http://kremlin.ru/events/president/news/20650>; <http://kremlin.ru/events/president/news/19645>; <http://kremlin.ru/events/president/news/16010>; <http://kremlin.ru/events/president/news/9807>; <http://kremlin.ru/events/president/news/10843>; <http://kremlin.ru/events/president/news/1565>; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23730>; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22328>; <http://kremlin.ru/events/president/news/15785>.

⁴⁵ <http://kremlin.ru/events/president/news/36568>; <http://kremlin.ru/events/president/news/34390>; <http://kremlin.ru/events/president/news/1965>.

⁴⁶ <http://kremlin.ru/events/president/news/47718>; <http://kremlin.ru/press/announcements/47715>; <http://kremlin.ru/events/president/news/6241>; <http://kremlin.ru/events/president/news/41345>; <http://kremlin.ru/events/president/news/50901>; <http://kremlin.ru/press/announcements/50891>; <http://kremlin.ru/events/president/news/19810>.

⁴⁷ <http://kremlin.ru/events/president/news/9843>; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23768>; <http://kremlin.ru/events/president/news/49226>; <http://kremlin.ru/events/president/news/10066>; <http://kremlin.ru/events/president/news/9937>; <http://kremlin.ru/events/president/news/13993>.

⁴⁸ См., например: <http://kremlin.ru/events/president/news/49226/photos>; <http://kremlin.ru/events/president/news/9807/photos>.

Но еще более значимо то, что с 2008 г. Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца становится местом оглашения президентского послания Федеральному собранию. Интересно, что с самого начала формирования этой традиции в России (1994) действо было выстроено таким образом, что для проведения мероприятия представители законодательной власти всегда приезжали к главе исполнительной власти, а не наоборот. Депутаты раз в году неизменно собирались в Кремле; президент же никогда не приезжал с этой целью в какое-либо из зданий, принадлежащих Федеральному собранию, например, в Госдуму в Охотном ряду, расположенную фактически напротив президентской резиденции. До 2008 г. оглашение послания происходило в Мраморном зале, являвшимся частью построенного в советские времена 14-го корпуса Кремля. Переход из Мраморного зала в Георгиевский, не связанный напрямую с ремонтом 14-го корпуса, начавшимся лишь три года спустя, конечно, мог быть продиктован соображениями практического порядка. Переделанный, несколько поношенный позднесоветский интерьер проигрывал недавно отреставрированным залам Большого Кремлевского дворца. Переезд, однако, указывал также и на окончательную смену концептуальных позиций: отказ от советского в пользу исторического и имперского. Удивляет, впрочем, неспешность принятия решения о переезде: ведь процессы такого рода полным ходом шли еще в 1990-е гг.

Смена зала привела к автоматической смене оформления мероприятия. В Мраморном зале оно начиналось со слов диктора, объявлявшего должность и имя президента, который выходил из-за кулис в президиум, где традиционно находились главы палат. Далее слово предоставлялось руководителю Совета Федерации. В 2007 г., то есть за год до смены места проведения, речи В. Путина предшествовали слова С. Миронова: «Уважаемые члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Совместное заседание палат для заслушивания послания президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации объявляется открытым. Прошу Владимира Владимировича Путина представить послание президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации». После этого президент направлялся к трибуне, которая находилась ниже уровня президиума, что позволяло главам палат оставаться в телевизионном кадре позади президента.⁴⁹

---

⁴⁹ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203>.

Интересно, что данное расположение главных действующих лиц (три представителя ветвей власти в кадре, маркированность семантических оппозиций “верх / низ” и “правое / левое”, представление президента главой законодательной власти и т.д.) в значительной степени соответствовало протоколу, принятому в США при ежегодном обращении президента к Конгрессу (State of the Union Address), во время которого председатель Сената и спикер Палаты представителей располагаются позади президента.⁵⁰ Здесь проявилось влияние, пусть и краткосрочное, современного американского символизма на новое политическое воображение в России начала 1990-х гг. В это время американская политическая символика, по крайней мере, на внешнем уровне, задавала своего рода шаблон. В России появились президент, вице-президент, спикер, первая леди и т.д. Иначе обстояло дело с пространственной оставляющей. Ни в 1990-е гг., ни тем более позже в России не возникло ни одного проекта строительства какого-либо значительного властного объекта, концептуальным основанием которого была бы западная пространственно-политическая традиция. Такого рода возможности никогда даже не обсуждались. Приемлемыми для власти оказались лишь некоторые варианты символической перекодировки пространства. Самой значимой, очевидно, стала смена названия Дома Советов РСФСР. Это здание (сейчас – Дом правительства), построенное в позднесоветские времена, в 1990-е гг. стало называться Белым домом, с явной отсылкой к американской президентской резиденции в Вашингтоне. Ставшее в августе 1991 г. центром сопротивления ГКЧП, оно могло создать основу для формирования нового символического пространства. Некоторые шаги в этом отношении даже были сделаны: рядом с Белым домом появилась площадь Свободной России и – несколько дальше, у Садового кольца – памятник погибшим во время августовского путча. Однако этот процесс быстро свернули: Б. Ельцин переехал в Кремль, а события 1993 г., которые завершились расстрелом Белого дома, изменили общественное восприятие этой зоны города. Фактически, американская политическая символика начала вытесняться на периферию уже со второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. Белый дом все реже появлялся в медийном пространстве, из списка чинов исполнительной власти исчез вице-президент, позже на второй план отошла и фигура первой леди. Власть и в административно-иерархическом, и в гендерном отношении возвращалась к прежней традиции образности.

⁵⁰ Во время оглашения послания к Конгрессу Сенат представляет вице-президент США.

Переход для оглашения президентского послания Федеральному собранию в Георгиевский зал маркировал схожие тенденции. Отказ от принципа президиума изменил сценарий: сейчас президента России представляет исключительно голос диктора, руководителю Совета Федераций слово не предоставляется, а главы палат не появляются в кадре за спиной президента. Людей заменили универсальные символы власти: справа и слева от главы государства находятся флаг страны и президентский штандарт.⁵¹ Более того, одно из главных политических событий года, представляющее собой – на зримом уровне – форму взаимодействия ветвей власти, оказалось помещенным в пространство зала воинской славы, или просто зала войны, все более и более осознаваемого властью таковым, а, значит, само стало частью дискурса войны.

* * *

На рубеже 2000-х – 2010-х гг. дискурс войны на символическом уровне расширяется все более зримо. При этом удивительным образом такие категории, как война и победа, экплицитно соотносились властью не только с советским, но и с имперским прошлым. Так, 12 декабря 2012 г. в послании Федеральному Собранию В. Путин заявил: “Боевой дух Вооруженных Сил... держится на традициях, на живой связи с историей, на примерах мужества и самопожертвования героев... в российской армии нужно возродить имена наиболее прославленных полков, воинских частей, соединений прошлых эпох, и советской, и более поздних эпох, таких подразделений, как Преображенский, Семеновский полки”.⁵² Выбор примера здесь был вполне предсказуемым. Преображенцы и семеновцы – полки лейб-гвардии, появившиеся в правление Петра I, воспринимаются не только как начало русской регулярной армии, но и как символ проведения активной и результативной внешнеполитической линии XVIII–XIX вв. В 2013 г. Преображенским полком стал именоваться 154-й отдельный Комендантский полк, расквартированный, что примечательно, в Лефортово, то есть на территории в полном смысле слова петровской Москвы; Семеновским стал 1-й отдельный стрелковый полк.⁵³ Полки получили униформу, стилизованную под мундиры начала XIX в. Интересно, что никому не пришлось в голову одеть новых преображенцев и семеновцев собственно в офицерское и солдатское платье образца 1812 г. В семиотическом отношении это был

⁵¹ См., например: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.

⁵² <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.

⁵³ <http://kremlin.ru/acts/news/17904>; <http://kremlin.ru/acts/news/17856>.

знак невозможности – несмотря на все установки свыше – осознать или ощутить действительную преемственность между военной элитой времен наполеоновских походов и современной российской армией.

В это же время Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца стал в полном смысле слова главным государственно-представительским помещением страны. Современная российская власть обрела идеальную репрезентативную форму, которой оказалось пространство, говорившее на языке героики, идеализировавшее войну и воспевавшее победу. Самым показательным и самым логичным завершением происходящих изменений явилось подписание в Георгиевском зале договора о вхождении республики Крым, включая город Севастополь, в состав Российской Федерации (18 марта 2014 г.). Символическая война стала реальностью, а пространство, бывшее некогда лишь индикатором изменений, превратилось в свидетеля действительных политических изменений. Война во дворце стала предвестником войны реальной. Пространство предугадало дальнейшее развитие дискурсивных линий, предсказав и присоединение Крыма.

Интересно, что дальнейшее расширение границ дискурса войны на этом не остановилось. С начала 2010-х гг. в Георгиевском зале ежегодно проводится шесть-восемь мероприятий.⁵⁴ Большая часть из них связана с сугубо военной составляющей, однако, помимо этого, здесь проходят также и расширенные или совместные заседания президентских советов – Госсовета (2012, 2013, 2014), Совета по культуре и искусству (2013, 2014), Совета по межнациональным отношениям (2015) и Совета по русскому языку (2015).⁵⁵ Таким образом, в дискурсивное поле войны, ядром которого стал Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца, сейчас оказывается вовлечено множество новых элементов – от межнациональных отношений до культуры и русского языка.

В 2010-е гг. новые и старые стратегии репрезентации власти через дискурс войны обрели такую устойчивость, что начали копироваться и на региональном уровне. Как известно, губернаторские инаугура-

---

⁵⁴ В Александровском и Андреевском залах в последние годы проходят заседания совещательных органов при президенте. Так, в первом из них собирается Совет по развитию гражданского общества и правам человека и Общественная палата (2014–2015), а во втором – Совета при Президенте по искусству и культуре (2012–2013).

⁵⁵ <http://kremlin.ru/events/president/news/15111>; <http://kremlin.ru/events/president/news/18232>; <http://kremlin.ru/events/president/news/47324>; <http://kremlin.ru/events/president/news/49491>.

ции и вступление в должность мэров городов, как правило, проходят в правительственных зданиях. Именно так до начала 2010-х гг. действовали, например, московские градоначальники. Ю. Лужков, являвшийся столичным мэром 18 лет (1992–2010), участвовал в церемонии инаугурации четыре раза (в 1996, 1999, 2003 и 2007), при этом местом проведения мероприятия неизменно становилось здание на Тверской.⁵⁶ В 2010 г. инаугурация его преемника С. Собянина проходила в Белом зале здания Московской мэрии, что соответствовало установившейся традиции.⁵⁷ Однако в 2013 г. ситуация изменилась. Местом проведения инаугурации С. Собянина был определен Зал славы Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе.⁵⁸

Во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг. было найдено и решение “проблемы”, доставшейся современной российской власти в наследство от активных реконструкций 1990-х гг. – императорские троны в представительских залах. Так, в президентской резиденции в Горках на встрече с членами Общественной палаты (2011) и на заседании Совета по противодействию коррупции (2012)⁵⁹ главные лица располагались по уже сложившейся для таких случаев традиции в отдалении от условного тронного места. Но в той же резиденции на заседании Совета Безопасности (2012) и встрече с членами правительства (2013) президент и премьер переместились в центр композиции, заняв место у стилизованного балдахина. Впрочем, там же были установлены и флаги, частично закрывавшие императорский символ.⁶⁰ Аналогичные изменения ждали и московские залы. 28 июня 2012 г., всего через несколько недель после третьей инаугурации, В. Путин провел в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца торжественный прием в честь выпускников военных академий и университетов. Речь перед собравшимися он прочел, стоя спиной к тронному месту, оформленному в своего рода смешанном стиле: помост и балдахин были оставлены, но троны-кресла – вынесены, при этом у балдахина опять же были установлены флаг страны и президентский штандарт.⁶¹

⁵⁶ <http://lenta.ru/vybory/1999/12/29/innauguraciya>.

⁵⁷ <https://www.mos.ru/mayor/media/photo/256057>.

⁵⁸ <https://www.mos.ru/mayor/media/video/3788057>.

⁵⁹ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/10106>; <http://kremlin.ru/events/president/news/14764>.

⁶⁰ <http://kremlin.ru/events/president/news/15164>; <http://kremlin.ru/events/president/news/19925>.

⁶¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/15785/photos>.

Очевидно, однако, что основная линия, направленная на апроприацию имперского, в это время уже оформилась. Так, с 2012 г., то есть с момента последних президентских выборов, оглашение послания Федеральному Собранию, неизменно проходящее в Георгиевском зале, дополнилось важной деталью: президент выходит в зал через парадную анфиладу. Солдаты Президентского полка, распахивающие двери зала перед В. Путиным, открывают вид на Александровский и Андреевский залы и трон российских монархов, стоящий в последнем из них.⁶²

Сейчас меняется и пространство, выбираемое для президентских интервью. Так, еще в 2013 г. все было вполне стандартизировано: при разговоре президент и его интервьюер(ы) располагались, вполне в духе американской традиции, в креслах у небольшого столика, при этом фоном выступал обычно нейтральный предмет, часто – камин. Именно так выглядело, например, сентябрьское интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс или апрельское – для немецкого телеканала ARD.⁶³ Однако уже через год, в феврале 2014 г., то есть всего за несколько дней до подписания договора о Крыме, В. Путин дал интервью В. Соловьеву в залах Большого Кремлевского дворца. В. Путин находился в полутемном Александровском зале, спиной к распахнутым дверям в Андреевский тронный зал, колоннада которого – а по временам и императорский трон – появлялись в кадре за плечом президента.⁶⁴ В данном случае речь, конечно, шла не о смене традиции. Скорее “в копилку” вариантов был добавлен еще один – из истории имперского прошлого страны.

По сути, за последние два десятилетия рецепция имперского пространства власти прошла путь от условного до действительного принятия. Более того, к середине 2010-х гг. стало очевидно, что развитие такого рода проходило по мере того, как дискурс империи смыкался с дискурсом войны. Поразительным образом эта оптика, благодаря ко-

⁶² Следует отметить, что с точки зрения движения те немногочисленные мероприятия, которые проходили в Георгиевском зале во время двух первых президентских сроков В. Путина, оформлялись схожим образом: президент входил в зал через парадную анфиладу. Однако в это время операторская съемка всегда выстраивалась таким образом, что убранство Александровского или Андреевского зала, если и попадало в кадр, то находилось на экране очень недолго и было чрезвычайно малодетализированным. Ср., например 2005 г. (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23020>) и 2015 г. (<http://kremlin.ru/events/president/news/17118>).

⁶³ <http://kremlin.ru/events/president/news/19143>; <http://kremlin.ru/events/president/news/17808>.

⁶⁴ <http://www.rg.ru/2015/02/23/stenogramma.html>.

торой постсоветская Россия “разглядела” Российскую империю, была унаследована от СССР. Ведь советское обрело имперское через войну: 1940-е гг. стали началом изменения отношения к имперской символике, а затем и шире – к имперскому наследию. Для постсоветского точкой, знаменовавшей переход в новое состояние – в данном случае появление основы для принятия имперского пространства власти – стал конец 2000-х – начало 2010-х гг. Возможно, суть процессов здесь имела хронологическую последовательность: приняв советское, постсоветский дискурс власти затем принял и имперское.

Дискурс царства

1990-е, 2000-е и особенно первая половина 2010-х гг. стали временем нового открытия не только имперского, но и еще более раннего, допетровского, царского прошлого.

Современный ретроспективный взгляд воспринимает имперское и царское как внутренне непротиворечивые дискурсы: один видится как составная часть другого. Вместе с тем, процессы выстраивания памяти об империи и о царстве проходили в постсоветский период совершенно по-разному. Суть различий заключалась в том, что последний почти сразу оказался в тесной связи с деятельностью Русской православной церкви (РПЦ). Фактически, постсоветское общественное восприятие царского уже с начала 1990-х гг. стало церковным проектом.

Память о Московском царстве перешла “в ведение” церкви по причинам достаточно простым. С одной стороны, власть не стремилась определить собственное отношение к этому, казалось бы, далекому и совершенно малоактуальному прошлому. С другой стороны, само это прошлое – допетровское в культуре, то есть царское в исторической хронологии – всегда было вполне закономерно соотнесено в общественных представлениях с православной традицией. Появление РПЦ как главного актора было в этом случае столь же предсказуемым, сколь и естественным. Нежелание светской власти работать с культурной памятью о Московском царстве и, напротив, стремление церкви этот движение возглавить, стали частью единого процесса.

Характерен пример с упоминавшейся выше Грановитой палатой Московского Кремля, сооружением конца XV в., бывшим некогда частью дворца Ивана III. В 1990-е гг. главный тронный зал Московского царства стал частью резиденции президента России. Как уже говорилось, во время президентства Б. Ельцина это помещение было

востребовано. Чаще всего в Грановитой палате проводились мероприятия, связанные с диппротоколом: здесь принимали Ж. Ширака и английскую королеву Елизавету II, проводили посольские завтраки.⁶⁵ В 2000-е гг. палата использовалась значительно реже. Единственным заметным событием в Грановитой палате, судя по сообщениям портала Kremlin.ru, стал торжественный прием от имени президента России в честь восстановления единства Русской православной церкви (19 мая 2007 г.), на котором вместе с В. Путиным присутствовали патриарх Московский Алексей II и председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей митрополит Лавр.⁶⁶

Выбор этого исторического царского помещения при проведении исключительно значимого для церкви события имел в своей основе осознанное властью понимание не просто сосуществования, а взаимодействия символических рядов: царское живет в православном, и, равным образом, православное может восприниматься как способ актуализировать царское. Уровень соотнесенности и даже аутентичности здесь, вероятно, был схож с ситуацией, когда для открытия года Испании в России король Испании был приглашен в Георгиевский зал петербургского Зимнего дворца.⁶⁷ Появление церковных иерархов в палатах XV в. – пусть даже и светских – воспринималось столь же естественно, как и присутствие представителя одного из королевских домов Европы в главном тронном зале Российской империи.

Это предположение подтверждается и событиями второй половины 2000-х гг., когда пространство Грановитой палаты было изменено наиболее радикальным образом за все время существования зала. В подклети, то есть непосредственно под основным помещением палаты, были устроены так называемые Патриаршие палаты (покои). Как следует из самого названия, функции помещения предполагают использование зала высшими иерархами РПЦ для проведения официальных приемов и переговоров. По сути, это несколько небольших комнат, обставленных в стиле кабинета-приемной. Из предметов интерьера обращает на себя

---

⁶⁵ В. Н. Шевченко. Повседневная жизнь Кремля при президентах. Москва, 2005. С. 113-114; 197, 199. Интересна некоторая функциональная преемственность: в царские времена Грановитая палата была местом, где, помимо прочего, устраивались многочисленные “столы”, то есть обеды в честь того или иного важного события (рождение, крестины, именины, коронации и т.д.) (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. 2. Москва, 2000. С. 348-428).

⁶⁶ <http://kremlin.ru/events/president/news/39677>.

⁶⁷ <http://kremlin.ru/events/president/news/10438>.

внимание картина “Благословение Дмитрия Донского и его дружины на ратный подвиг преподобным Сергием Радонежским”.⁶⁸

Патриаршие покои Грановитой палаты были освящены в 2011 г., хотя СМИ сообщали об использовании этого помещения еще патриархом Алексием II во время встречи последнего с В. Путиным и президентом Эстонии А. Рюйтелем в 2005 г. для обсуждения вопросов восстановления деятельности РПЦ в Прибалтике.⁶⁹

Следует отметить, что всего в нескольких шагах от Грановитой палаты находится Патриарший дворец Московского Кремля. В настоящее время это сооружение, включавшее в себя в дореволюционный период комплекс парадно-представительских помещений высших иерархов церкви, используется как здание Музеев Кремля. РПЦ также имеет возможность проводить здесь (чаще всего в Мироваренной (Крестовой) палате дворца) отдельные мероприятия. Очевидно, однако, что сосуществование музея и высших иерархов церкви проходит сложно. Патриарх Кирилл, в частности, комментируя получение нового помещения, указал на невозможность использовать исторически принадлежавший главе церкви Патриарший дворец полностью и связал этот факт с принятым “на высшем уровне” решением обустроить Патриаршие покои в подклети Грановитой палаты.⁷⁰

Сейчас уже ясно, что изменение пространства Грановитой палаты было в значительной степени началом длительного процесса. С учетом одновременной актуализации имперского и православного, показательными представляются инициатива В. Путина о восстановлении разрушенных Вознесенского и Чудова монастырей на месте разобранного 14-го корпуса Кремля (2015) и его же указ о воссоздании памятного креста на месте убийства великого князя Сергея Александровича (2016).⁷¹ Апроприация церковью царского дискурса имела и еще одну особенность. Удивительным образом царский дискурс оказался равным образом развернут как в русское средневековье, так и в начало XX в. Отправной точкой такого смещения стало то, что в зоне прямого влияния РПЦ оказалась память о семье последнего российского императора Николая II.

⁶⁸ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1749942.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/1749984.html>.

⁶⁹ <http://kremlin.ru/events/president/news/32613>.

⁷⁰ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1749942.html>.

⁷¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/46380>; <http://kremlin.ru/events/president/news/52626>.

Как известно, 1990-е гг. стали периодом активного обсуждения вопроса о канонизации императора Николая II, фигура которого тогда, как и теперь, выглядела глубоко противоречивой. В 1981 г. Николай II, члены его семьи и все погибшие вместе с ними в Ипатьевском доме Екатеринбурга были канонизированы РПЦЗ. РПЦ Московского патриархата для решения этого вопроса потребовалось почти два десятилетия. В 1992 г. вопрос о канонизации царя и его семьи был поручен Комиссии по канонизации, но само причисление к лику святых произошло лишь после того, как решение об этом принял собор епископов в 2000 г.⁷² Останки царской семьи (кроме великой княжны Марии и цесаревича Алексея) похоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга двумя годами ранее, в 1998 г. Этому предшествовало широкое общественное обсуждение вопроса.⁷³

Однако иконы с образом новомучеников начали активно распространяться в России еще с конца 1980-х гг. В 2000-е гг. после канонизации их число выросло в десятки раз. Росписи с изображением Николая и его семьи появляются в это время не только в новых, недавно построенных, но и в существующих, часто древних храмах. Таково, например, современное оформление церкви в честь Толгской иконы Божией матери (Высоко-Петровский монастырь, Москва). Одна из стен церкви, построенной в середине XVIII в., во время реставрации была расписана изображениями императора, императрицы и великих князей. В 1990-е гг. стали появляться и первые памятники в честь царя-святого.

Интересна и уже достаточно устоявшаяся иконография Николая II, который часто изображается именно в образе царя, а не императора. Так, О. Губарева, предлагая проект иконографии императора, указывала на следующие особенности образа: “Государя (Николая II – прим. авт.) надлежит изображать на золотом фоне, знаменующем собою свет Небесного Иерусалима, с крестом в руке, *в царских одеждах и в мантии* (здесь и далее курсив мой – прим. авт.), которая есть священное одеяние царя, возлагаемое на него после таинства миропомазания в знак его обязательств перед Церковью. *На голове его должна быть не имперская корона, которая есть символическое изображение власти и имени императора, а более исторически и мистически верная шапка Моно-*

⁷² Погибший вместе с семьей Николая II лейб-медик Е. С. Боткин был канонизирован в 2016 г.

⁷³ И. В. Семененко-Басин. Святой царь-мученик: Сакрализация личности российского императора Николая II // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 8 / Ред. и сост. Е. М. Болтунова. Москва, 2011. С. 135-150.

маха. Всю одежду и мантию должно покрыть золотым асисстом (лучи Божественной славы) и украсить жемчугом и драгоценными камнями”.⁷⁴

Со временем оказалось, что образ Николая II стал отправной точкой, которая задала новое направление. Образ царя-страстотерпца оказывал широкое влияние на формирование целых зон памяти. Борьба за Николая превратилась в борьбу за николаевскую и православную Россию, ставшую частью все того же царского дискурса. Так при активном содействии церкви появились перезахоронения знаковых фигур последних десятилетий Российской империи: А. Деникина (2005), И. Ильина (2005), императрицы Марии Федоровны (2006), В. Капшеля (2007). В 2015 г. на Мемориальном комплексе героев Первой мировой был перезахоронен великий князь Николай Николаевич,⁷⁵ активно обсуждалось погребение цесаревича Алексея и великой княжны Марии.

С другой стороны, процесс осмысления сложной фигуры Николая, вероятно, открыл для РПЦ возможности продвижения образов других царственных святых, например, великой княгини Евдокии Дмитриевны (Ефросинии Московской) или князя Владимира. Инициатива церкви в этом отношении нашла поддержку у властей. Так, в 2012 г. в Кремле была установлена мемориальная доска в память о Ефросинии Московской, которая была погребена в Кремлевском Вознесенском монастыре. Очевидно, деятельность РПЦ в Кремле отчасти оказала влияние на решение о сносе 14-го корпуса Кремля и дала начало дискуссии о необходимости восстановления разрушенных монастырей. Нашумевшая история 2015 г., связанная со строительством памятника князю Владимиру в Москве, еще не закончена. Однако она нашла отклик на региональном уровне: памятник князю был установлен в Волоколамске Московской обл., существуют планы установки схожего монумента в Калининграде.

То, насколько значим и какие формы принимает сейчас царский дискурс, может показать сопоставление двух коммеморативных практик постсоветского периода, выстроенных вокруг исторических личностей,

⁷⁴ О. В. Губарева. Вопросы иконографии святых царственных мучеников // <http://www.pravmir.ru/voprosy-ikonografii-svyatyx-carstvennyx-muchenikov/>.

⁷⁵ Этот в значительной мере простой комплекс, включающий в себя часовню, несколько памятных обелисков и памятных знаков, создавался долго (с середины 1980-х гг. до 2004 г.) и являл собой, во многом, структуру маргинальную. Он расположен у станции метро “Сокол”, в стороне от исторического центра города, сочетает мемориальную часть с советской парковой зоной (кафе, детские площадки, кинотеатр “Ленинград”) и почти не попадает в сферу внимания власти. Однако появление здесь могилы великого князя Николая Николаевича может изменить статус мемориала.

каждая из которых воплощает собой целую эпоху. Речь идет об основателе империи Петре I и последнем императоре Николае II.

* * *

История Российской империи в ее классических трактовках петроцентрична. В социальном отношении петровский миф всегда являл собой основу русской имперской идентичности, петровское пространство, то есть объекты, созданные императором, по его повелению или прямо им использовавшиеся, имели статус знаковых для коллективной памяти; именно вокруг них выстраивались значимые практики коммеморации.

При переходе от имперского к советскому петровский миф замечательным образом не претерпел радикальных изменений. Монументальные памятники Петру I пострадали после революции в наименьшей степени. Кроме того, послевоенный советский период был отмечен актуализацией образа Петра Великого. Снесенные после 1917 г. или утраченные во время войны памятники в честь первого императора были воссозданы во многих городах СССР: Архангельск (1948), Выборг (1954), Воронеж (1956), Петергоф (1957), Петрозаводск (1940, 1978),⁷⁶ Тула (1964).⁷⁷ Этот тренд дополнился в позднесоветский период установкой ряда новых памятников первому русскому императору. Монументы такого рода, созданные, в основном, в 1970-е – 1980-е гг., маркировали петровскую географию, то есть появлялись исключительно в Прибалтике и в районе Ленинграда: Петрокрепость (Шлиссельбург) (1957), Приозерск Ленинградской обл. (1969, 1972),⁷⁸ Калининград (1984), Павловск (1988), Ленинград (1989).⁷⁹

Отметим, что советские памятники Петру I, показательные сами по себе, были частью более широкого процесса. Последний аккумулировал все петровское пространство и всю вообще (около)петровскую вещьность: от царских домиков, разбросанных по всей стране,⁸⁰ до Летнего дворца в Ленинграде, от известного Ботика до предметов, изготовлен-

⁷⁶ Памятник переносили два раза (К. Сокол. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. Москва, 2006. С. 45).

⁷⁷ Там же. С. 36-37, 44-45, 54.

⁷⁸ В 1969 г. здесь был установлен гипсовый памятник, замененный в 1972 г. на бронзовый.

⁷⁹ <http://spp.lfond.spb.ru/russia/memorials/096>.

⁸⁰ Этот аспект исследован в работах британского историка Линдси Хьюз. См.: Lindsey Hughes. Nothing Is Too Small for a Great Man: Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. No. 4. Pp. 634-658.

ных самим царем в придворной токарне. Сколь ни парадоксально это явление с точки зрения первоначальных большевистских установок, оно хорошо объяснимо в категориях истории памяти и дискурсивной преемственности: от разрушения к частичному восстановлению утраченного и, наконец, к созданию собственной образности через апроприацию имперской традиции.

По предварительным подсчетам,⁸¹ которые были проведены по открытым источникам, в частности, информационной базе “Свод петровских памятников России и Европы”, созданной Институтом Петра Великого при содействии Фонда им. Д. С. Лихачева, в постсоветский период в России появилось пятьдесят памятников Петру Великому.⁸² Эти цифры не включают в себя памятные бюсты в честь Петра Великого, установленные внутри тех или иных помещений. Последние в наименьшей степени отражают паттерны общественного восприятия императора, поскольку доступны лишь относительно небольшой – часто локальной или профессиональной – группе. Единственным исключением, пожалуй, следует признать бюст императора, установленный в здании Московского вокзала Санкт-Петербурга (1993).

В 1990-е гг. было установлено 16 монументов Петру I. Довольно часто они представляли собой композиции, созданные в период империи, но утраченные в советское время (например, бюст императора в беседке Лефортовского парка Москвы (1990-е гг.), екатеринбургский памятник императору (1992) или петербургский “Царь-плотник” (1996). Появлялись, впрочем, и новые памятники.

В 2000-е гг. число таких монументов в честь первого императора значительно выросло. Нам известно о 28 подобных объектах, а, значит, число памятников Петру I в это десятилетие выросло на 40%. Здесь обращают на себя внимание монументы в честь 300-летия того или иного города, района или учреждения, связанного (хотя бы и опосредованно) с деятельностью императора. Такие “юбилейные” памятники составили большую половину списка монументальных сооружений десятилетия – 16 памятников. Именно так возникли обелиск в честь 300-летия учреждения ордена Андрея Первозванного (Петербург, 2001), два памятника императору в честь основания города (Петербург, на Охте и у Сампсониевского собора, 2003) и в Стрельне (2003), а так-

⁸¹ Автору не удалось установить датировку памятника Петру I в Пениках (на Бронной горе) (Дома и домики Петра I / Ред. В. В. Яковлева. Санкт-Петербург, 2015. С. 474-475).

⁸² <http://spp.lfond.spb.ru/russia/russia/memorials>.

же композиция фигур Петра и Людовика XV, установленная в честь 300-летия Петергофа (2005).⁸³

Примечательно, что, как только волна 300-летий пошла на спад, интерес к фигуре первого императора заметно снизился. При этом речь идет не только о числе установленных монументов. Во второй половине 2000-х гг. изменилась география подобных мемориальных акций: они переместились в регионы. Памятники Петру этого времени появляются в Вышнем Волочке (2006), Махачкале (2006), Кизляре (2007), Сочи (2008). При этом иногда, как например, в случае с махачкалинским памятником, который фиксировал легендарное место останковки Петра Великого во время Персидского похода, монумент был призван увековечить события, которые не подтверждаются историческими источниками. Здесь очевидна борьба за символический капитал, который может быть впоследствии монетизирован (например, в связи с изменением турпотока), а, значит, региональный Петр 2000-х гг. в ряде случаев оказывается своего рода экономическим ресурсом.

В это же время мемориальная практика, прежде трактованная образом Петра I в контексте создания великой державы, мощной империи и европейского поворота России, начинает предлагать обществу другого Петра, осмысленного, скорее, в категориях узкоспециальных / профессиональных. Петр-моряк получает памятник от моряков, Петр – создатель первых военных школ – от учителей и учеников. Увлечение императора естественными науками и медициной оказывается отмеченным медиками. Именно так можно рассматривать московские памятники Петру Великому, созданные на территории филиала Санкт-Петербургского военно-морского института (2006), Казачьего кадетского корпуса имени М. А. Шолохова (2008), госпиталя имени Н. Н. Бурденко (2008) и детского Морского центра имени Петра Великого (2009). Во всех указанных случаях монументы были установлены непосредственно на территории так называемых “режимных”, то есть закрытых, объектов, что, в свою очередь, ограничивало к ним доступ.

В 2000-х гг., особенно во второй половине десятилетия, император, запечатленный в бронзе, теряет одно важное свойство, принадлежавшее ему, казалось бы, безраздельно еще с императорских времен, а именно – крайний индивидуализм образа. Для дореволюционной Рос-

⁸³ В 2000-е гг. памятники Петру Великому появились также в Сестрорецке (2000), Петербурге (2001, 2005), Владивостоке (2002), Усть-Ижоре, Ленинградской обл. (2002), Калининграде (2003), Волгограде (2003), Новой Ладого Ленинградской обл. (2004), Астрахани (2007).

сии изображение Петра Великого в групповых композициях не было характерным. Исключение представляет, пожалуй, фигура Петра I на памятнике М. Микешина “Тысячелетие России”, где он, занимая одно из центральных мест, был изображен рядом с другими историческими личностями. Схожей была и советская трактовка образа Петра I: монументы устанавливались (или восстанавливались) лишь в честь одного императора.

Монументальные памятники 2000-х гг. начинают изображать Петра I в паре с другим историческим героем. Очевидно, главной задачей такой репрезентации было стремление добавить значимости второму человеку в паре. Так, еще в 1999 г. в Москве у въезда в район Лефортово был установлен памятник Петру I и Ф. Лефорту. В 2006 г. в Вышнем Волочке на привокзальной площади появился памятник Петру I и М. Сердюкову – строителям Вышневолоцкой водной системы, в 2008 г. в столице, на территории уже упоминавшегося госпиталя Н. Н. Бурденко, был установлен монумент в честь Петра I и медика Н. Бидлоо. Интересно, что на памятниках Петру и Лефорту и Петру и Бидлоо обе фигуры были расположены на одном уровне, а в первом случае оказались одного роста. Последнее соответствовало историческим реалиям. Историческая правда, впрочем, оказалась актуальной лишь в 2000-е гг., прежде “дотянуться” до великана-императора никто не мог.⁸⁴

За первую половину 2010-х гг. в России появилось лишь шесть памятников Петру I – в Бийске (2010), п. Красные Сосны Ленинградской обл. (2012), Орске Оренбургской обл. (2012), Нижнем Новгороде (2014), Петербурге (2014), Дербенте (2015). С точки зрения прочтения образа Петра сохраняются все особенности предшествующей “пяtilетки”. Памятники все также в большинстве своем появляются в регионах, удаленных от традиционной петровской географии и / или помещаются в контекст узкоспециальный, часто профессиональный, военный или военно-морской. Таков, например, монумент, установленный во внутреннем дворе петербургского Адмиралтейства и посвященный 300-летию битвы при Гангуте (2014). Не менее показателен памятник Петру I в г. Орске Оренбургской обл. Здесь в 2012 г. во дворе местной школы появился бюст императора, подарок Орскому морскому клубу

⁸⁴ В этот ряд не вписывается композиция М. Шемякина “Царская прогулка”, установленная в Стрельне 2003 г. и изображающая императора вместе с императрицей, карликом и собаками на помосте, обращенном в сторону Финского залива. Скульптурная группа представляет собой, скорее, авторское прочтение образа эпохи, нежели личности самого монарха.

от организаторов федерального проекта “Аллея воинской славы” за патриотическое воспитание молодежи. Относительно востребован образ императора и в контексте создания регионального мифа (Дербент, 2015).

По отношению к предшествующим десятилетиям (16 петровских монументов 1990-х гг. и 28 – 2000-х гг.) шесть памятников первой половины 2010-х гг., как кажется, указывают на изменения системного порядка. Сейчас можно констатировать падение интереса к фигуре основателя Российской империи. При этом отход от петроцентричности в монументалистике сопровождается явным снижением самого образа Петра I. С точки зрения категорий культурной и исторической памяти поэтизированный Медный всадник Э. Фальконе и вызвавший многочисленные протесты московский памятник З. Церетели находятся в русле одной традиции прочтения образа императора. И традиция эта, начавшись еще в екатерининские времена, как представляется, оказалась исчерпанной в конце 2000-х – начале 2010-х гг. На смену Петру – великому императору и русскому европейцу, пришел Петр-патриот в школьном дворе провинциального городка.

Процессы мемориализации, связанные с конструированием памяти о последнем из Романовых – Николае II – проходят в это время по совершенно иному сценарию. В отличие от Петра, “культ” которого был воссоздан в позднесоветский период, Николая в советском публичном пространстве никогда не было. В трактовке этого периода он воплощал собой безволие и слабость и являлся виновником катастрофической социально-политической ситуации, сложившейся в начале XX в. При этом его расстрел в Екатеринбурге в 1918 г. вместе с императрицей Александрой Федоровной, пятью детьми и слугами практически сразу попал в “зону умолчания”. Между прочим, показательно, что снос знаменитого дома Ипатьева, санкционированный постановлением ЦК КПСС в середине 1970-х гг., был связан именно с опасениями властей, что репрессированная память может оказаться вновь актуализированной.

В эмигрантской среде обращение к монументальной скульптуре при формировании памяти о последнем императоре фактически отсутствовало. Известно лишь о мемориале I Мировой войны, созданном в Белграде на Новом Сербском кладбище в 1935 г. и состоящем из часовни и памятника. На последнем было помещено следующее посвящение: “Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны”.⁸⁵ В создании мемориала принимал активное

⁸⁵ В. Маевский. Русские в Югославии: 1920–1945. Нью-Йорк, 1966. С. 39.

участие русский эмигрант, архитектор и скульптор Р. Верховский.⁸⁶ В сети упоминается также о памятнике Николаю II, установленному в Германии в 1924 г. офицерами одного из прусских полков,⁸⁷ однако проверить эти сведения пока не удалось.

Первые памятники Николаю II в России начинают появляться в 1990-е гг. Общее число монументов этого десятилетия невелико. По нашим подсчетам их было всего пять: Москва (1991), Пушкин Ленинградской обл. (1993), с. Тайнинское Московской обл. (1996), с. Сыростан Челябинской обл. (1996), Подольск Московской обл. (1998). Даже после канонизации императора и членов его семьи в 2000 г. процессы, связанные с конструированием памяти о Николае II в рамках мемориальной практики, ускорились незначительно. В 2000-е гг. было установлено восемь памятников императору, что всего на три больше, чем в предшествующее десятилетие: Санкт-Петербург (2002), Екатеринбург (2003), Курск (2003), п. Вилючинск, Камчатка (2006), п. Вырица Ленинградской обл. (2007), Сергиев Посад Московской обл. (2008), Сочи (2008), урочище Ганина Яма, Екатеринбург (2009).

Интересно, что, в отличие от петровских памятников, монументы в честь Николая II никогда не были копиями прижизненных мемориалов в честь императора, которых до революции насчитывалось более десятка.⁸⁸ К тому же такие памятники никогда не устанавливались на местах прежних мемориалов, как правило, созданных в честь посещения императором определенного региона или военного подразделения.⁸⁹ Речь в данном случае шла не о продолжении прежде существовавшей традиции, а о создании совершенно нового мемориального конструкта. При этом постсоветское формирование памяти о Николае II выстраивалось – по крайней мере, в первые два десятилетия – не вокруг жизни императора, а вокруг его смерти.

---

⁸⁶ Т. И. Ульяновина. Русский художник и архитектор Р. Н. Верховской в Сербии и США // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. / Отв. ред. И. Колчинский, А. Петрович. Санкт-Петербург, 2009. С. 120.

⁸⁷ http://samlib.ru/a/aleks_grin/nikolajiiialeksandrowich.shtml; <http://olik-tlt-93.narod.ru/index/0-29>.

⁸⁸ К. Сокол. Указ. соч. С. 162-165, 306; Примечателен нереализованный проект главного памятника в честь 300-летия династии Романовых в Костроме, на котором планировалось поместить скульптуру, изображающую Николая II и царевича Алексея (Памятники архитектуры Костромской области. Каталог / Ред. В. Б. Корозина. Кострома, 1996. С. 15-18).

⁸⁹ К. Сокол. Монументальные памятники Российской империи. С. 162-165.

Отсутствие восстановленных памятников, а, значит отказ от апелляции к прежней топографии был дополнен в первые постсоветские десятилетия еще одной тенденцией. Памятники царям и императорам, появлявшиеся в это время во множестве, часто устанавливались в местах, которые прежде занимали другие мемориалы. Так пред Храмом Христа Спасителя в Москве до революции стоял известный памятник Александру III, а после восстановления собора в 1990-е гг. его сменил монумент Александру II. Ничего подобного с новыми памятниками Николаю II не происходило. Такие монументы в это время появлялись в периферийных или свободных от прежней мемориальной традиции зонах. Последнее свидетельствует об отсутствии в этой сфере инициативы официального порядка, то есть, собственно, государственного заказа.

Основной художественной формой этого времени стал бюст императора, установленный на постаменте. Этот выбор, очевидно, диктовавшийся экономическими причинами, а также традиционное место установки – у церквей – определили явную ограниченность эстетического осмысления образа. Император в большинстве случаев изображается в военном мундире или шинели, часто без знаков отличия. На нем, как правило, нет головного убора и символов власти, отсылающих к статусу. Исключение составляют лишь памятники скульптора В. Клыкова в Подмоскowie (с. Тайницкое и г. Подольск), где Николай II представлен в коронационном наряде и с императорскими регалиями. Примечательно, что эти проекты уже попали в поле зрения исследователей.⁹⁰

На традиционном памятнике Николаю надпись на постаменте практически всегда содержит указание на то, что памятник установлен “Царю-страстотерпцу”. Максимальная обобщенность прочтения образа, с одной стороны, и его тиражируемость, с другой, указывают на то, что в это время значимым оказывался сам факт установки монумента. Эстетическая функция таких мемориалов воспринималась как вторичная.

Самым показательным аспектом николаевской мемориализации, в значительной степени определившим суть позиционирования образа, стало пространство, в котором она происходила. В отличие от петровских мемориалов, где значимой была география (северо-восток, Петербург, Прибалтика) и семантика таких оппозиций, как “восток – запад”, в случае с Николаем, памятники которому устанавливались в самых

⁹⁰ И. Калинин. Ностальгическая модернизация. С. 8-9.

разных, далеко не только столичных регионах, востребованной стала иная оппозиция, а именно, “сакральное – профанное”. Абсолютно все памятники Николаю 1990-х – 2000-х гг. были установлены недалеко от православной церкви, то есть пространства, всегда осмыслявшегося в категориях сакрального. Так, первый постсоветский памятник императору (1991) находится на Московском Ваганьковском кладбище, рядом с храмом Воскресения Словущего, второй (1993) – у Феодоровского собора в Пушкине, третий (1996) – у церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в подмосковном селе Тайницком. Список можно продолжать. Из всех монументов двух первых постсоветских десятилетий православные коннотации не очевидны лишь применительно к парному монументу императора Николая II и Цесаревича Алексея к 100-летию основания подводного флота России, установленному в п. Вилючинск на Камчатке. Все остальные памятники находятся в непосредственной близости от церкви или прямо в церковной ограде. По сути, в 1990-е – 2000-е гг. распространение получает образ Николая II как царя-святого, при этом святость, конечно, оказывается “выше” царской природы.

Причины происходящих процессов зачастую лежат на поверхности: инициатива установки памятников Николаю в это время исходит исключительно от церковных властей или прихожан церкви, возле которой появлялся мемориал. Государственная или сугубо светская общественная инициатива здесь отсутствует. Вместе с тем такая локализация указывает еще и на то, что первоначально монументалистика такого рода существовала “для себя и своих”, то есть создавалась и удовлетворяла потребностям относительно узкой группы людей, имея при этом серьезный потенциал разворачивания образа вовне. Показательным примером в этом отношении может стать памятник императору, появившийся в 2007 г. в п. Вырица Ленинградской обл. Он установлен на территории, принадлежащей бизнесмену С. Васильеву, перед домом-дворцом, который, в свою очередь, является копией одной из императорских резиденций. Здесь интересно художественное решение: скульптура, изображающая императора, установлена на вершине столба, при этом позади императора находится фигура ангела, который одной рукой обнимает Николая, а другой осеняет его крестом.⁹¹ Сам монумент, очевидно, являет собой некую аллюзию на Александровскую колонну Дворцовой площади Петербурга. Для исследования мемориальной практики показательным является то,

⁹¹ <http://natali-art-spб.ru/galery/win.php?img=/galery/12/11.jpg>.

что памятник открыт для обзора с внешней стороны резиденции, то есть он, как и большинство мемориалов этого времени, принадлежит одному (заказчику) и тем (не)многим, способным оценить значение и роль исторической фигуры Николая II.

2010-е гг. внесли существенные коррективы в развитие николаевской мемориализации. Прежде всего, число памятников, установленных в честь Николая II, поразительным образом выросло. За прошедшие пять лет было открыто 10 монументов: Москва, Санкт-Петербург, Красноярский край (Шушенское), Ленинградская обл. (Павловск) и др. Это больше, чем за все предшествующее десятилетие. Из них пять появились за пределами России: Таормина, Сицилия (Италия), Крайск, Минская обл. (Белоруссия), Белград (Сербия), с. Архангельское (Казахстан). Сюда же следует включить памятник 2012 г. в Крымском Новом Свете, который был поставлен в украинский период истории полуострова. Одним из последних стал бюст императору Николаю II, установленный перед Ливадийским дворцом в Крыму 19 мая 2015 г.

Кроме того, для памятников, появившихся за последние пять лет, характерна как вариативность образного ряда, так и значительно более широкий круг заказчиков. Как и прежде, мемориалы создаются на средства РПЦ и прихожан. Таков, например, мемориал в Московском Новоспасском монастыре (2013) и памятник, установленный у собора Воскресения Христова в Санкт-Петербурге (2013). Однако все чаще памятники в честь последнего императора устанавливаются по инициативе иного рода. Их заказчики позиционируют собственную профессиональную принадлежность в значительно меньшей степени или даже отказываются от указания на нее. Некоторый отход от доминирования православной трактовки образа императора очевиден в связи с выбором мест для подобных мемориалов. Так, в Новом Свете (2012), Таормине (2012) и Белграде (2014) памятники были установлены в парках, в Шушенском (2010) – у проходной местного завода, в Ливадии (2015) – у одноименного дворца-резиденции Романовых. Очевидно (хотя и в минимальной степени) появление государственной инициативы в связи с созданием мемориалов в честь Николая II. Так, монумент, построенный в Белграде, был изготовлен по госзаказу и стал подарком Российской Федерации Сербии по случаю 100-летия начала I мировой войны. Все это говорит о том, что образ Николая II в первой половине 2010-х гг. перестал быть “замкнутым” внутри церковной ограды. Но трактовки – теперь более вариативные – продолжают опираться именно на церковную традицию.

В 1990-е – первой половине 2000-е гг. император, как правило, изображался в одиночестве. Но уже с конца 2000-х, а тем более в 2010-е гг. подобное прочтение претерпевает серьезные изменения. Монументалистика все чаще предлагает изображения Николая в скульптурных группах или парных памятниках. Показательным, хотя до определенной степени переходным вариантом, стала трактовка образа Николая в рамках мемориала урочища Ганина Яма (2009), места, где тела убитых членов царской семьи и слуг были сброшены в шахту. Здесь на достаточно большой территории были размещены памятники императору, императрице и их детям. При этом все они, образуя единую композицию, все-таки изображают Николая и Александру отдельно друг от друга.⁹² В том же 2009 г. в Екатеринбурге, у Храма на крови, появился памятник, на котором Николай II был представлен со всей семьей. В случае с этим памятником, установленным на месте расстрела императорской семьи, выбор скульптора был, вероятно, предопределен. В 2010-е гг. пару Николаю II составляли также императрица Александра Федоровна (памятник “400-летние династии Романовых”, Санкт-Петербург, 2013), царь Михаил Федорович (памятник “400-летние династии Романовых”, Москва, 2013), а также князь Лев Голицын (Новый Свет, 2012).

Интересно, что парные памятники Николаю II отличаются от парных же памятников Петру I. Как упоминалось выше, появление в таких композициях основателя империи, воплощавшего во многом культ индивидуализма, имело целью, скорее, “приподнять” второго исторического героя, нежели указать на возникновение некоей цельной общности. Для николаевской монументалистики такие позиции – за исключением, пожалуй, памятника со Львом Голицыным в Новом Свете – не типичны. Николай, даже в монументальных памятниках, выстроенных по принципу “1+1”, представлял собой не столько самостоятельную единицу, сколько основу для создания коллективного – семьи (памятник с императрицей), династии (памятник с Михаилом Романовым), собора мучеников (памятник с императрицей и детьми). Позиционирование коллективного начала, в которое был помещен Николай, очевидно, было прямо связано с уже достаточно стабильной иконографией царя-святого, также часто изображающегося вместе с новомучениками.⁹³

⁹² http://nashural.ru/Goroda_i_sela/ganina-yama.htm.

⁹³ О. В. Стародубцев. Иконография образа “царственных страстотерпцев” // <http://www.pravoslavie.ru/put/031028121701.htm#2>.

Интересно и то, что в 2010-е гг. император Николай начинает избираться в полный рост. Уходит и столь характерная для большинства памятников предшествующих десятилетий простота одежды. А сербский Николай уже предстает перед зрителем в виде императора-воина, окруженного регалиями власти и, хотя и с опущенной, но все же саблей в руках.⁹⁴

По сути, последние 25 лет сформировали в буквальном смысле с нуля традицию мемориализации в отношении столь противоречивой фигуры, как Николай II. Процессы, инициированные и оформленные РПЦ, очевидно интенсифицируются, приобретая серьезное социально-политическое влияние. Конец 2000-х – первая половина 2010-х гг. стал периодом исключительного роста интереса к фигуре Николая.

Немаловажно, что последовательное увеличение числа мемориальных памятников в честь последнего императора всегда проходило на фоне широкого общественного обсуждения как самой личности монарха, так и основ формирования исторической памяти о нем. Установка памятников в 1990-е гг. сопровождалась активным противодействием: часты были акты вандализма, вплоть до подрыва установленных памятников. Показательна вместе с тем и последовательность в реализации своей позиции со стороны заказчиков таких монументов: в 1990-е – начало 2000-х гг. все поврежденные памятники Николаю II были восстановлены. Так, например, дважды реставрировали один из первых московских монументов на Ваганьковском кладбище, который пытались уничтожить в 1997 и 2003 гг. Присутствие Николая II в современном публичном пространстве определяется не только появлением все большего числа монументальных памятников, но и рядом акций, отражающих диаметрально противоположное мнение о Николае II. Так, в 2012–2015 гг. в связи с датой расстрела царской семьи в ряде крупных городов России появлялись билборды с изображением Николая и надписью “Прости нас, Государь”.⁹⁵ С другой стороны, в сети прошло голосование о переименовании станции метро Войковская, которое не получило большинства голосов.⁹⁶ Сейчас в России обсуждение личности Николая II и мемориальной политики в его отношении во многом переместилось в виртуальное пространство. За пределами страны дискуссия, напротив, выходит на улицы. Так, в 2015 г. в Сербии на до-

⁹⁴ <http://www.ambasadarusije.rs/ru/vesti/osvjashenie-pamjatnika-nikolaju-ii-v-belgrade>.

⁹⁵ <http://urokiistorii.ru/51333>.

⁹⁶ <http://www.interfax.ru/moscow/476934>.

мах появились граффити с изображением Николая II,⁹⁷ а в Казахстане, напротив, по решению местных властей был демонтирован бюст императора в с. Архангельское, установленный за несколько дней до этого.⁹⁸ Совершенно очевидно, что пик общественной дискуссии придется на 2018 г., столетие расстрела императорской семьи в Екатеринбурге.

Формирование исторической памяти о Николае II проходит в постсоветский период несколько этапов. Николай-страстотерпец сначала существует почти исключительно внутри сакрального пространства (на иконе, в церкви, в соборе), затем покидает стены храма, обретая форму монумента в церковном дворе и, наконец, начинает все активнее проникать в публичное внецерковное пространство.

Парадоксальным образом основатель империи и последний император, воплощающие две крайние точки в истории Российской империи, представляют собой сейчас два полюса в общественном сознании. В отношении Петра Великого – исторической фигуры, значимой в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. как для дискурса власти, так и для формирования общественных установок – достигнут своего рода консенсус памяти. Установка ему памятников где бы то ни было не становится явлением резонансным. Первый и последний значимый протест против создания монумента в честь Петра Великого пришелся на конец 1990-х гг. и был связан с московским памятником З. Церетели. Но даже в этом случае противники установки имели претензии не к императору, а к скульптору, и оперировали категориями эстетического, а не исторического порядка. Однако в настоящий момент интерес к фигуре императора Петра Великого – основателя империи, воплощающего идею силы, западничества и индивидуализма – как со стороны власти, так и со стороны общества – в настоящий момент чрезвычайно низок. Постсоветский Петр – это государственный проект, который сейчас не слишком актуален для власти и, очевидно, не воспринимается ею как основа консолидации общества.

На фоне неинтересного Петра особенно удивительно выглядит всплеск общественной активности вокруг Николая. Фигура последнего императора, осмысленная в настоящий момент в категориях слабости и жертвенности и не вызывающая ассоциаций с усилением геополитической роли России в мире, тем не менее, привлекает серьезное внимание. В отличие от Петра, Николай – это исключительно церковный проект,

⁹⁷ <http://www.freerepublic.com/focus/bloggers/3044164/posts>.

⁹⁸ <http://newskaz.ru/regions/20150811/9388190.html>.

который сейчас набирает силу. Светская власть пока явным образом не выразила свое отношение к происходящему. Некоторым исключением является позиция прокурора Крыма Н. Поклонской, активного актора дискуссии о последнем российском императоре. В ее рабочем кабинете есть несколько портретов Николая, включая большой на стене, то есть, собственно, в том месте, которое вполне традиционно занимает портрет президента. Поклонская часто цитирует слова Николая II, по мнению ряда источников, она жертвует собственные средства на формирование мемориального комплекса в честь императора.⁹⁹ Именно Поклонская в 2015 г. содействовала установке бюста императора перед Ливадийским дворцом и инициировала дискуссию о юридической силе николаевского отречения, которая была поддержана в СМИ и блогосфере. Власть также отозвалась: Поклонской ответил зампред комитета Совета Федерации по конституционному законодательству К. Добрынин, заявивший, что император не объявлял о принуждении к отречению, а потому законность произошедшего сомнения не вызывает. Но резкость и ироничность ответа (Добрынин пригласил “коллегу” приехать в архив и лично удостовериться в существовании подписи Николая под отречением¹⁰⁰) интересным образом соотносилась с тем, что последний был ретранслирован лицом отнюдь не первого ряда. Случай с Поклонской показал отсутствие во властных кругах консенсуса по этому вопросу, который, как представляется, все же не останется без ответа в обозримом будущем.

* * *

В настоящее время при работе с категориями памяти актуальны сразу несколько дискурсивных линий, которые совпадают с историческими периодами развития России – СССР, Российская империя, Московское царство. Эта композиция сложилась постепенно, хотя, впрочем, достаточно быстро, всего за двадцать лет: система приняла советское, а затем имперское (оба – через дискурс войны), и очевидно, что сейчас при активном посредничестве церкви идет апроприация царского. Взаимодействие актуальных категорий исторической памяти приобретает разные формы: от объединения и даже сращивания крупных символических структур до прямой конкуренции. Однако сама по себе множественность проектов исторической памяти, осо-

⁹⁹ <http://politrussia.com/news/natalya-poklonskaya-postavit-661/>.

¹⁰⁰ <http://ria.ru/society/20150716/1131862385.html>.

бенно если учесть, что ни один из них в настоящее время не является приоритетным или доминирующим, – явление новое и неординарное. Его особенность заключается в том, что при формировании структур памяти отбор категорий, символических рядов или контекстов происходит, по крайней мере, из трех дискурсивных полей. Фактически, речь идет о более широком переформатировании системы, направленном, в значительной степени, на преодоление амбивалентности внутри нее. По сути, власть предлагает обществу пока еще не до конца осмысленный ею самой, но приобретающий все более зримые черты вариант национальной идеи: “Мы – наследники всего”.

SUMMARY

The article by Ekaterina Boltunova discusses a situation that is rarely addressed in studies of the politics of historical memory. Rather than focusing on the process of the “invention of tradition” (Eric Hobsbawm and Terence Ranger) and the designation of “sites of memory” (Pierre Nora) in post-Soviet Russia, Boltunova shows what happens afterward, when politicians and the general public begin inhabiting the newly created spaces of important historical symbolism and fall under the influence of their recently created narratives. More specifically, the article focuses on ceremonial spaces related to tsars and emperors in Moscow and St. Petersburg: the Faceted Chamber of the Moscow Kremlin, St. Andrew Hall in the Grand Kremlin Palace (Moscow), St. Peter and St. George Halls in the Winter Palace (the Hermitage in St. Petersburg). Russian presidents Boris Yeltsin, Vladimir Putin, and Dmitry Medvedev felt it necessary to fashion their own ceremonial quarters in former imperial palaces by using and adapting the symbolism of spatial representation of past authority – even though those historical precedents themselves were the products of very recent architectural restorations.

Once reconstructed, Russia’s historical memory of political grandeur has appealed in different ways to the main centers of power. While the government (president) feels more comfortable with symbolism of the imperial period, the Russian Orthodox Church (the Moscow Patriarchate) has claimed representations of the pre-Petrine Moscow tsardom. Thus, the “invented traditions” acquire agency of their own.

BIBLIOGRAPHY

- Assman, Jan. Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow, 2004.
- Bartenev, S. Pp. Bol'shoi Kremlevskii dvorets. Dvortsovye tserkvi i Pridvornnye sobory. Moscow, 1916.
- Batorevich, N. I. Chesmenskii dvorets. St. Petersburg, 1997.
- Boltunova, E. M. Derzhavnost' po-sovetski: Imperskoe prostranstvo sovetskikh 1970-kh godakh // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013. No. 123. Pp. 89-103.
- Clark, Katerina. Socialist Realism and the Sacralizing of Space // E. Dobrenko, E. Naiman (Eds.). *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*. Seattle, 2003. Pp. 3-18.
- Clark, Toby. *Art and Propaganda in the Twentieth Century*. New York, 1997.
- Doma i domiki Petra I / Ed. V. V. Iakovleva. St. Petersburg, 2015.
- Dubin, B. Pamiat', voina, pamiat' o voine. Konstruirovaniye proshlogo v sotsial'noi praktike poslednikh desiatiletii // *Rossiiia nulevykh: politicheskaiia kul'tura, istoricheskaiia pamiat', povsednevnaia zhizn'*. Moscow, 2011.
- Etkind, A. Krivoe gore: Pamiat' o nepogrebennykh. Moscow, 2016.
- Evangulova, O. S. Dvortsovo-parkovyye ansambli Moskvy pervoi poloviny XVIII veka. Moscow, 1969.
- Golubinov, Ia. A. Velikaia voina i evropeiskie memorial'nye praktiki v XX veke // *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh voyn i revoliutsii*. No. 1. Samara, 2014. Pp. 192-197.
- Gubareva, O. V. Voprosy ikonografii sviatykh tsarstvennykh muchenikov // <http://www.pravmir.ru/voprosy-ikonografii-svyatyx-carstvennyx-muchenikov/>.
- Gudkov, L. "Pamiat'" o voine i massovaia identichnost' rossiian // *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. No. 2-3. Pp. 46-57.
- Gudkov, L., Dubin, B., Zorkaia, N. Postsovetskii chelovek i grazhdanskoe obshchestvo. Moscow, 2008.
- Halbwachs, Maurice (M. Khal'bvaks). Kollektivnaia i istoricheskaiia pamiat' // *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. No. 2-3 (40-41). Pp. 8-27.
- Hughes, Lindsey. Nothing Is Too Small for a Great Man: Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths in *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. No. 4. Pp. 634-658.

- Kal'nitskaia, E. Ia. K istorii voprosa o muzeinoi kolleksiis Mikhailovskogo zamka // *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. Ia. Gertsena*. 2008. No. 78. Pp. 102-109.
- Kalinin, I. Nostal'gicheskaia modernizatsiia: sovetskoe proshloe kak istoricheskii gorizont // *Neprikosnovennyi zapas*. 2010. No. 6 (74). Pp. 6-16.
- Kirichenko, E. O dvukh kontseptsiiakh imperatorskoi rezidentsii: Zimnii dvorets v Peterburge posle pozhara 1837 g. i Bol'shoi Kremlevskii dvorets v Moskve // *Tsarskie i imperatorskie dvortsy*. Staraiia Moscow. Moscow, 1997. Pp. 40-54.
- Kiseleva L. K formirovaniuu kontsepta natsional'nogo geroia v russkoi kul'ture pervoi treti XIX veka // *Lotmanovskii sbornik*. No. 3. Moscow, 2004. Pp. 69-93.
- Koposov, N. Pamiat' strogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii. Moscow, 2011.
- Korf, M. A. Zapiski. Moscow, 2003.
- Krautkhaimer, R. Tri khristianskie stolitsy: topografiia i politika. Moscow–St. Petersburg, 2000.
- Kulikovo pole i ratnye polia Evropy: Materialy mezhdunarodnogo kongressa. Tula, 2002.
- Langenohl, Andreas. Obschestvennaia pamiat' posle smeny stroia: Skhodstva i razlichiiia mezhdru praktikami pamiati v postkommunisticheskikh i postkolonial'nykh stranakh // *Ab Imperio*. 2004. No.1. Pp. 365-390.
- Maevskii, V. Russkie v Iugoslavii: 1920–1945. New York, 1966.
- Makarov, V. K., A. N. Petrov. Gatchina. St. Petersburg, 2005.
- Markov, A. Sovetskoe bogomyslie // *Neprikosnovennyi zapas*. 2014. No. 1(93). Pp. 24-40.
- Mikhailov, G. V. Zimnie dvortsy Petra I. Istoriia stroitel'stva. Arkhitekturnoe i khudozhestvennoe ubranstvo. Sobytiia i liudi. St. Petersburg, 2002.
- Nora, P. Mezhdru pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiati // P. Nora, M. Ozuf, Zh. Piuimezh, M. de Vinok Frantsiia-pamiat'. St. Petersburg, 1999. Pp. 17-50.
- Okhrana kul'turnogo naslediiia Rossii XVII – XX vv. / Ed. L. V. Karpova, N. A. Potapova, T. P. Sukhman. Vol. 1. Moscow, 2000.
- Orbeli, I. Georgievskii zal Zimnego dvortsa. Leningrad, 1948.
- Orlovskii, D. Velikaia voina i rossiiskaia pamiat' // *Rossiia i Pervaia Mirovaia voina (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma)* / Ed. N. N. Smirnov. St. Petersburg, 1999. Pp. 49-57.
- Pamiat' o voine 60 let spustia. Rossiia, Germaniia, Evropa. Moscow, 2005.
- Pamiatniki arkhitektury Kostromskoi oblasti. Katalog / Ed. V. B. Korozina. Kostroma, 1996.

- Pavlovsk. Polnyi katalog kollektsii. Vol. 1. Dvorets. Part. 2. Inter'ery. Paradnye zaly / Ed. N. M. Tret'iakova. St. Petersburg, 2008.
- Petrone, Karen. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis, 2011.
- Petrov, A. E. Evoliutsiia pamiati o Kulikovskoi bitve 1380 goda v epokhu stanovleniia moskovskogo samodержavii (Rubezh XV—XVI vekov): K voprosu o momente transformatsii vospriiatiia “mesta pamiati” // *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 2004. Vol. 7 (125). Pp. 35-56.
- Plamper, Ia. *Alkimiia vlasti. Kul'ta Stalina v izobrazitel'nom iskusstve*. Moscow, 2010.
- Platt, Kevin M.F. *The Post-Soviet is Over: on Reading the Ruins // Republics of Letters. A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts*. 2009. No. 1. Pp. 1-26.
- Sarodubtsev, O.V. Ikonografiia obraza “tsarstvennykh strastoterpsev” // <http://www.pravoslavie.ru/put/031028121701.htm#2>.
- Semenenko-Basin, I. V. Sviatoi tsar'-muchenik: Sakralizatsiia lichnosti rossiiskogo imperatora Nikolaia II // *Russkaia antropologicheskaia shkola. Trudy*. Part 8 / Ed. E. M. Boltunova. Moscow, 2011. Pp. 135-150.
- Seniavskaia, E. S. *Psikhologiia voiny v XX veke: Istoricheskiĭ opyt Rossii*. Moscow, 1999.
- Shenk, F. B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati, Sviatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000)*. Moscow, 2007.
- Shevchenko, V. N. *Povsednevnaia zhizn' Kremliia pri prezidentakh*. Moscow, 2005.
- Sokol, K. *Monumental'nye pamiatniki Rossiiskoi imperii. Katalog*. Moscow, 2006.
- Stepanov, B. O starom i novom: muzei tsaritsy na ruinakh romanticheskoi legendy // *Tsaritsyno. Attraktsion s istoriei* / Ed. N. V. Samutina, B. E. Stepanov. Moscow, 2014. Pp. 54-85.
- Trebst, Sh. “Kakoi takoi kover”? Kul'tura pamiati v postkommunisticheskikh obshchestvakh Vostochnoi Evropy: Popytka obshchego opisaniia i kategorizatsii // *Ab Imperio*. 2004. No. 4. Pp. 41-77.
- Ul'iiankina, T. I. *Russkii khudozhnik i arkhitekto R.N. Verkhovskoi v Serbii i SShA // Rossiisko-serbskie sviazi v oblasti nauki i obrazovaniia: XIX – pervaiia polovina XX v.* / Ed. I. Kolchinskii, A. Petrovich. St. Petersburg, 2009. Pp. 116-125.
- Ushakin, S. *Byvshee v upotreblenii: Postsovetskoe sostoianie kak forma afazii* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. No. 100. Pp. 760-792.
- V'iuieva, N. A., A. I. Romanenko. *Dvortsy i sady*. Moscow, 2003.

Е. Болтунова, Реценция имперского / царского пространства власти

Vek pamiati, pamiat' veka: Opyt obrashcheniia s proshlym v XX stoletii. Cheliabinsk, 2004.

Vilinbakhov, G.V. Nagrady Rossii. Ordena. St. Petersburg, 2006.

Wortman, R. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. Vol. 1-2. Moscow, 2004.

Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiiakh. Vol. 1. Part 2. Moscow, 2000.

ARCHIVES

The Russian State Documentary Film & Photo Archive at Krasnogorsk (RGAKFD).

No. 5401: Prebyvanie finliandskoi pravitel'stvennoi delegatsii v Moskve (1946).

No. 17971: Vruchenie veritel'nykh gramot rumynskim poslom (1952).

No. 113650: Tarasevich V.S. Delegatsiia frantsuzskikh kinematografistov vo vremia poseshcheniia Georgievskogo zala Bol'shogo Kremlevskogo dvortsa (1955).

No. 17873: Nemetskie krest'iane v Kremle (1952).

Russian Presidential Press Service Data (2000–2016), www.kremlin.ru.

LIST OF CONTRIBUTORS

Lilia BOLIACHEVETS, Research Assistant, Center for Historical Research, National Research University “Higher School of Economics,” St. Petersburg, Russia. lilia.boliachevets@gmail.com

Ekaterina BOLTUNOVA, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, School of Philology, National Research University “Higher School of Economics,” Moscow, Russia. boltounovaek@gmail.com

Andy BYFORD, DPhil, Senior Lecturer, Department of Russian, Durham University, Durham, UK. andy.byford@durham.ac.uk

Ian W. CAMPBELL, Assistant Professor, Department of History, University of California-Davis, Davis, CA, USA. iwcampbell@ucdavis.edu

Denis DOKUCHAEV, Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia. den-dokuchaev@mail.ru

Lucien J. FRARY, Professor, History Department, Rider University, Lawrenceville, NJ, USA. lfrary@rider.edu

Olga GULINA, Ph.D. in Migration Studies, Candidate of Juridical Sciences, RUSMPI Institute on Migration Policy, Berlin, Germany. Contact@rusmpi.org

Lyudmila KLIMOVICH, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for Philosophy, Sociology and Political Sciences, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia. Lusek84@yandex.ru

List of Contributors

Rachel D. KOROLOFF, Ph.D., Fellow, Humanities Institute at the LuEsther T. Mertz Library, the New York Botanical Garden, New York, NY, USA. rachelkoroloff@gmail.com

Olga LINKIEWICZ, Ph.D., Research Fellow, Tadeusz Manteuffel Institute of History, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland. ola.linkiewicz@ihpan.edu.pl

Irina ROLDUGINA, Senior Lecturer, Graduate Student, School of History, National Research University “Higher School of Economics,” Moscow, Russia. mozzgi@gmail.com

Ivan SABLIN, Ph.D., Senior Research Fellow, Center for Historical Research, National Research University “Higher School of Economics,” St. Petersburg, Russia. ivan.sablin@gmail.com

Andrey SEMENOV, Candidate of Sciences in Political Science, Senior Research Fellow, Center for Comparative History and Politics, Tyumen, Russia. andre.semenoff@gmail.com

Dmitry SHEVCHUK, Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, The National University of Ostroh Academy, Ostroh, Ukraine. dshevchuk@gmail.com

Irina SKLOKINA, Candidate of Sciences in History, Research Fellow, Center for Urban History of East Central Europe, Lviv, Ukraine. i.sklokina@lvivcenter.org

Vera SKVIRSKAJA, Associate Professor, Department of Cross-Cultural and Regional Studies, Copenhagen University, Copenhagen, Denmark. bdq883@hum.ku.dk

Katrin STEFFEN, Ph.D., Research Fellow, Northeast Institute, University of Hamburg, Germany. k.steffen@ikgn.de

Diliara USMANOVA, Doctor of Sciences in History, Professor, Chair of History of Russia and the Countries in the Near Abroad, Institute of International Relations, History, and Oriental Studies, Kazan Federal University, Kazan, Russia. dusmanova2000@mail.ru

Andriy ZAYARNYUK, Associate Professor, Department of History, the University of Winnipeg, Manitoba, Canada. a.zayarnyuk@uwinnipeg.ca

НАШИ АВТОРЫ

Энди БАЙФОРД, DPhil, профессор, кафедра русистики, Даремский университет, Дарем, Великобритания. andy.byford@durham.ac.uk

Екатерина БОЛТУНОВА, к.и.н., доцент, Школа филологии, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия. boltounovaek@gmail.com

Лилия БОЛЯЧЕВЕЦ, научный ассистент, Центр исторических исследований, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург, Россия. lilia.boliachevets@gmail.com

Ольга ГУЛИНА, Ph.D. in Migration Studies, к.ю.н., Институт миграционной политики, Берлин, Германия. Contact@rusmpi.org

Денис ДОКУЧАЕВ, к. филос. н., старший преподаватель, кафедра философии, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия. den-dokuchaev@mail.ru

Андрей ЗАЯРНЮК, профессор, исторический факультет, Университет Виннипега, Манитоба, Канада. a.zayarnyuk@uwinnipeg.ca

Ян КЕМПБЕЛЛ, профессор, исторический факультет, Калифорнийский университет в Дэвисе, Калифорния, США. iwcampbell@ucdavis.edu

Людмила КЛИМОВИЧ, к.и.н., доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия. Lusek84@yandex.ru

Рэйчел КОРОЛОФФ, Ph.D., стипендиатка Гуманитарного института при Библиотеке им. ЛуЭстер Мерц, Нью-Йоркский ботанический сад, Нью-Йорк, Нью-Йорк, США. rachelkoroloff@gmail.com

Ольга ЛИНКЕВИЧ, Ph.D., научный сотрудник, институт истории им. Тадеуша Мантейфеля, Польская академия наук, Варшава, Польша. ola.linkiewicz@ihpan.edu.pl

Ирина РОЛДУГИНА, аспирантка, старший преподаватель, Школа истории, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия. mozzgi@gmail.com

Иван САБЛИН, Ph.D., старший научный сотрудник, Центр исторических исследований, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург, Россия. ivan.sablin@gmail.com

Андрей СЕМЕНОВ, к.пол.н., старший научный сотрудник, Центр сравнительных исторических и политических исследований, Тюмень, Россия. andre.semenoff@gmail.com

Вера СКВИРСКАЯ, профессор, факультет кросс-культурных и региональных исследований, Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания. bdq883@hum.ku.dk

Ирина СКЛОКИНА, к.и.н., научный сотрудник, Центр городской истории Центрально-Восточной Европы, Львов, Украина. isklokina@lvivcenter.org

Диляра УСМАНОВА, д.и.н., профессор, кафедра истории России и стран ближнего зарубежья, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, Казань, Россия. dusmanova2000@mail.ru

Люсьен ФРЭРИ, профессор, исторический факультет, Университет Райдера, Лоренсвилль, Нью-Джерси, США. lfrary@rider.edu

Дмитрий ШЕВЧУК, д.филос.н., доцент, Национальный университет “Острожская академия”, Острог, Украина. dshevchuk@gmail.com

Катрин ШТЕФФЕН, Ph.D., научный сотрудник, Северо-восточный институт, Гамбургский университет, Германия. k.steffen@ikgn.de